

ГОРИЗОНТ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПОИСКА —
ПОЛИРНЫЙ УРАЛ

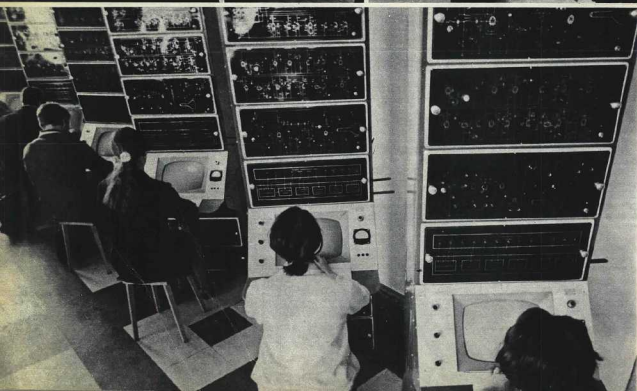
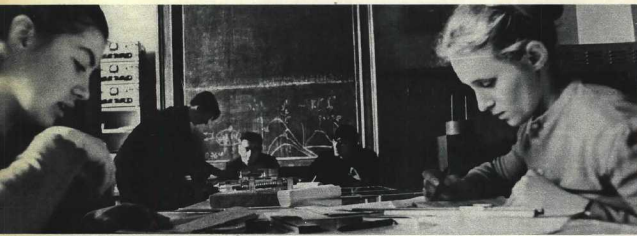

№ 22 НОЯБРЬ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕНА

УЧИТЬСЯ, РАБОТАТЬ И

ВСЕСОЮЗНЫЙ СЛЕТ СТУДЕНТОВ

Большой Кремлевский дворец... 19 октября 1971 года здесь открылся Всесоюзный слет студентов. В зале заседаний Верховного Совета СССР — молодые попутры советской высшей школы, лучшие из лучших: ленинские стипендиаты, отличники учебы, активисты, ударники трудового смежства, победители научных конкурсов — верные сыны и дочери Отчизны, надежные помощники ленинской партии. Первый день слета стал для них праздником, наполненным глубиной, пронизывающей радостью и собравшимся обратился Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев. Он высоко оценил успехи советского студенчества в учебе, труде, общественной работе, обрисовал возможности перспектив, открытые XXV съездом КПСС перед студентами — бойцами отрядов молодых строителей коммунизма, поставил перед ними задачи огромной политической и государственной важности. Как партийный наезд, как осердиченную программу жизни и труда, как свидетельство истинного доверия к юному поколению восприняли эти задачи послышки из уст страны.

Два дня продолжался слет. С его трибуны молодежь рапортовала о своих достижениях, всесторонне проанализировала деятельность студенческих коллективов, изучала вопросы коммунизма, обсуждала насущные проблемы высшей школы. Выражая чувства искренней благодарности за мудрую и отеческую заботу, участники студенческого форума озвучили многоамплитной армии студентов и учащихся торжественно заверили старших товарищей — коммунистов, что будут еще настоятельно отдавать марксистско-ленинским учителям, эго энергичнее штурмовать новые вершины знания, еще плодотворнее трудиться в исследовательских лабораториях и конструкторских бюро, на производстве и строительных площадках, стремиться уже сейчас, на студенческой службе, приносить существенную пользу обществу. Участники слета заявили о своей готовности стать политически зрелыми, квалифицированными специалистами, власти коммунистической власти в деле социального и научно-технического прогресса. Они обещали и впредь свято хранить и приумножать наши революционные, боевые и трудовые традиции, укреплять дружбу и братство народов Советского Союза, твердо стоять на стороне социалистических завоеваний, еще теснее сплотить ряды вокруг Коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета.

БОРОТЬСЯ ПО ЛЕНИНУ!

РЕЧЬ ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА

Дорогие товарищи!
Молодые наши друзья!
Разрешите от имени Центрального Комитета Коммунистической партии поздравить вас с открытием Всесоюзного съезда студентов и передать вам, всему многомиллионному отряду советского студенчества горячий привет и пожелание успехов.
Познаюсь, я с радостью принял приглашение выступить на вашем собрании. Встреча с юностью, которая опещетворит будущее нашей страны, всегда приятное дело. Тем более это относится к вам, боевому авангарду славного советского студенчества.

Ваш съезд соберется вскоре после XXIV съезда нашей партии. И это не случайно.

Выполнение грандиозных планов, намеченных съездом, потребует напряженного труда партии и всего народа. При этом надо помнить, что сам характер труда советских людей меняется буквально на наших глазах. То, что делал сегодня охладивший рабочий на заводе, колхозный механизатор, еще в недавнем прошлом считалось доступным только технику или инженеру. Так шагнули вперед наша наука и техника, выросло профессиональное мастерство людей. А жизнь идет вперед, идет очень быстро. И она предъявляет к нам, к каждому советскому человеку все более и более высокие требования.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 19 ОКТЯБРЯ 1971 ГОДА.
ТОРИЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ СЪЕЗДА.

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

НАША ОБЛОЖКА РАВИК
СКАЯ ПАРТИЯ ПОЛЮБИ
УРАДСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ТЕО
ДЕЗИСТЫ ЗА РАЗВЬЮК МАГ
СТРАДЫ И ПРОФИДЕР

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

ФОТОРЕПОРТАЖ «ТРОПА К НЕБРАМ»
СМОТРИТЕ НА СТРАНИЦАХ 6-11

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 22 (1066)

Н О Я Б Р Ь

1971

5
ТОТ
НЕЗАПАМЯТНЫЙ
ГОД...
Рассказ
Тамары
ЖИМУНСКОЙ.

12
СРЕДИ «АНТЕЕВ».
Репортаж с борта
самолета АН-22.

20
«ОДИМПИЯСКАЯ
СЕРЯ».
Аркиды ВОРОБЕВ:
СИЛЬНЫЕ МИРА СЕГО.

30
ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ
ПЛАНЕТЫ: ОЛЬСТЕР.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ОПТИМАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ.
ГЛАВЫ ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ
О МОСКОВСКИХ СТУДЕНТАХ —
ЗАЩИТНИКАХ МОСКВЫ

ПАМИРСКИЙ ТРАКТ

«СЛУШАЙТЕ КРАСНЫЕ ЦВЕТИ!»
ЗАМЕТКИ О МОЛОДЕЖНОМ КОНГРЕССЕ
СОЛИДАРНОСТИ В ВРЕМЯ

МОДЫ. ДЕВИЗ — МОЛОДОСТЬ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАККОЛЛЕГИЯ: В. С. Абрикин, Г. П. Елисеев, А. П. Нуссцов, А. А. Дыховичный (ответственный секретарь), В. В. Лисин, заместитель главного редактора, В. Г. Победоносцев, Р. И. Рондественский, Е. И. Рыбинин, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. В. Ступов (главный художник), Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевкин

Художник Г. С. Тертицавич. Технический редактор Г. М. Степанова

Наша партия хорошо видит все эти процессы. Решения XXIV съезда выдвинули важнейшую задачу наиболее полно и органически сочетать требования нашего социалистического строя с достижениями научно-технической революции. А для этого нужно воспитать соответствующие кадры, создать большие отряды новых специалистов, которые были бы в состоянии решать все более обширные и сложные задачи коммунистического строительства.

Решения XXIV съезда как бы вручают советской молодежи эстафету научно-технического и социального прогресса. Съезд призвал юношей и девушек Советской страны идти в первых рядах борцов за высокую культуру производства и жизни, за утверждение коммунистических норм в нашей действительности.

И, конечно, товарищи, этот призыв в полной мере относится и к вам, советским студентам. Ведь те, кто сегодня учится в университетах, институтах, средних технических учебных заведениях,—это и есть люди, которым в самом ближайшем будущем предстоит принять активное творческое участие в выполнении наших планов. Выполнение девятого пятилетнего плана — это общее дело партии и народа. И советское студенчество призвано внести свой вклад в это большое дело.

Здесь, в этом зале, сидят австраианские руководители производства, инженеры-важнейших для страны научно-исследовательских институтов и учреждений. Здесь сидят будущие воспитатели новых поколений, творцы новых культурных ценностей. Вам предстоит продолжить работу, которую начало поколение Октября, работу, которая была продолжена активными первыми пятилеткой, плоды которой героически отстаивали от врага солдаты Великой Отечественной войны.

В старое время, дорогие друзья, получение высшего образования было доступно лишь очень немногим. Вы об этом хорошо знаете. И только наш социалистический строй широко распахнул двери ученых заведений перед детьми рабочих и крестьян. Им, первым советским студентам, было нелегко. Многие пришли тогда в вузы через рабфак, лишь недавно освоив грамоту, прочтя только первые книги, прикоснувшись лишь к алгебре культуры. Но старое желание молодежи, став активной строительной силой нового мира сделало их настоящими специалистами.

Это было первое поколение советской интеллигенции. Вчерашние рабфакшники стали инженерами и агрономами, учителями и врачами, партийными и общественными деятелями, профессорами, рабочими и дипломатами. Их знания и труд сыграли огромную роль в превращении нашей страны в могучую передовую социалистическую индустриальную державу.

В дни Великой Отечественной войны десятки тысяч студентов, отложив книги и конспекты, взяли в руки оружие и вместе со всем народом встали на защиту Родины. Они не успели получить институтские дипломы, но полях сражений заслужили аттестаты мужества и героизма. Они не успели получить университетских значков, но грудь их украсили боевые ордена и медали.

И едва отгремели годы войны, прямо в гимназистках, в солдатских шинелях они вернулись в аудитории, чтобы закончить образование. Высшая школа надолго запомнит образ студента-фронтовика. Его обостренное чувство ответственности и трудолюбие, его гражданский темперамент и партийная принципиальность явились замечательным примером для многих последующих поколений студенчества.

Сегодня студенческая аудитория нашей страны — это почти пять миллионов студентов вузов, это — почти четыре с половиной миллиона учащихся средних специальных школ, училищ, техникумов. Нашу страну — это плоть от плоти, кровь от крови рабочих, крестьян, трудовых интеллигенции,—словом, тех, кто своим трудом делает возможным приобщение молодежи к высотам знаний.

С чувством законного удовлетворения можем мы сказать теперь, что созданная за годы Советской власти система подготовки кадров в основном

изменить его, выбросить что-нибудь из жизни не хотел бы.

— А если бы в вузах, как это предлагают некоторые специалисты, отменить экзамены, стали бы вы учиться там же, как теперь?

— Трудно представить... Думаю, что там же.

— Назините за странный вопрос, но все-таки вы когда-нибудь списывали на экзаменах?

— Не приучен. Обнаряды меня попросили передать шаргалку. Я покарился, не знал, куда давать глаза... Преподаватель решил, что это я хочу списать. Я не оправдался, но до сих пор недоволен. Нет, уж лучше честный провал.

— Какая форма учебы вам нравилась больше всего?

— Практические занятия. В лаборатории начинаешь понимать теорию дела.

— Какую цель ставите себе после института?

— Стать хорошим радиоэлектроником, работать на хорошем заводе и давать как можно больше хороших результатов.

— В чем заключается ваша деятельность в Верховном Совете?

— Я еду на избирательный и работаю в постоянной комиссии по делам молодежи.

— Чувствуете ли вы, что можете повлиять на решение какого-либо вопроса или поставить вопрос?

— Поставить вопрос, который считаю важным, могу. Повлиять на решение — этого еще не было, но теоретически — тогда могу. Как сейчас просил избирателей, то многие (они, как правило, касаются ревонты и об-... Наверное, из привычки. Я просто устался, выработал четкий ритм и

Камилла ИСКАКОВ,
депутат Верховного Совета
Татарской ССР
(4-й курс физического факультета
Казанского
государственного университета)

— Вы депутат, имеете множество наград в институте и, несмотря на это, отличник. Отвечая на принцип, из нежелания уронить звание — авторитет не имеете почему-либо? — Наверное, из привычки. Я просто устался, выработал четкий ритм и

удовлетворяет потребности страны, позволяет обеспечить квалифицированными специалистами все отрасли материального производства и духовной жизни.

Как раз социализм Владимир Ильич Ленин мечтал о том, чтобы Родина наша стала страной сплошной грамотности. Эта задача давно уже решена. Теперь мы вышли на новые рубежи — завершаем переход ко всеобщему среднему образованию. Широким шагом идет вперед и наша высшая школа. Вдвинувшись в одну ступень к нашей изыскательской почти как-то забытой в последние годы СССР будет иметь диплом об окончании высшего или среднего специального учебного заведения. А ведь еще каких-нибудь три-четыре десятилетия назад мы не осмеливались даже загадывать... когда наступит час времени!

Но, конечно, товарищи, многое в деле высшего образования у нас еще должно быть улучшено. Об этом мы говорили на XXIV съезде нашей партии.

Наука и ее практическое применение в жизни развиваются сейчас такими темпами, что многое из даже недавно найденного, открытого нередко устаревает прежде, чем попадает в учебники и курсы лекций. Справедливо говорят: если бы человек, окончивший уже пятнадцать — двадцать лет назад, не продолжал заниматься самообразованием, он был бы в наш день безнадёжно отсталым работником. Но это значит также, что оперативно и постоянно должна вестись и работа по дальнейшему совершенствованию содержания и методов преподавания в высшей школе, по укреплению материально-технической базы вузов и техникумов.

Следует, видимо, поднять также о том, как обеспечить более равномерное укомплектование вузов квалифицированными научно-педагогическими кадрами, тщательнее подбирать и готовить соответствующих специалистов, если бы человек, окончивший уже пятнадцать — двадцать лет назад, не продолжал заниматься самообразованием, он был бы в наш день безнадёжно отсталым работником. Но это значит также, что оперативно и постоянно должна вестись и работа по дальнейшему совершенствованию содержания и методов преподавания в высшей школе, по укреплению материально-технической базы вузов и техникумов.

В последние годы немало было сделано для обеспечения более широкого прихода в высшие учебные заведения рабочей и крестьянской молодежи. В настоящее время вытекает из политики партии, направленной на улучшение рабочего класса, колхозного крестьянина и интеллигенции, на укрепление социального единства нашего общества. С большим удовлетворением была встречена нашим народом такая важная мера, как создание при вузах и техникумах факультетов для студентов высших учебных заведений и учащихся средних специальных учебных заведений, первый выпуск которых уже вошел в ряды наших специалистов.

Мне приятно сообщить вам, что Центральный Комитет партии и правительство, в соответствии с Директивами XXIV съезда КПСС, на днях приняли важное решение, которое предусматривает значительное улучшение материальных и жилищных условий студентов высших учебных заведений и учащихся средних специальных учебных заведений. Известно в виду, в частности, повысить размеры стипендий студентам вузов и учащимся техникумов. Предусмотрено также строительство большого количества новых студенческих общежитий, создание условий для улучшения медицинского и санитарно-курортного обслуживания, организации питания, развитие спортивной базы. Только на повышение стипендий и расширение числа стипендиатов государству дополнительно выделяет в этой пятнадцатилетнюю полтора миллиарда рублей.

Мы уверены, что это приведет к дальнейшему улучшению подготовки наших специалистов, послужит мощным стимулом к повышению активности наших студентов в осуществлении решений XXIV съезда партии, а также в учебе и науке, в труде и спорте. Одним словом, мы считаем, что это оправданное, «рентабельное» вложение! Важно также, чтобы выделенные средства были использованы наиболее эффективно и рационально. Поэтому мы настоятельно просим руководителей учебных заведений, соответствующих министерств и ведомств, партийные, профсоюзные и комсомольские органы.

инспектом, куда я обращаюсь с запросом (это мой округ), относится и мой работе очень благожелательно. Чем вы занимаетесь или член партийной организации института?

— Кандидатом в члены партии я стал недавно, нынчешиным летом. Еще до этого я имел комсомольское поручение, которое, таким образом, заботливый, — руководящий политическим театром. Мы инсценировали «Ревизора» Роберта Кирденвенского, мечтаю представить большую пьесу.

— Выходит, хватает лиричной среды физик?

— Конечно. Театр состоит только из ребят физфона.

— Чем вы увлечены, кроме физики, общественной работы и поэзии?

— Спортом, а точнее, спортивной гимнастикой. Ей я был верен и selama трудные годы, когда работал и учился еще на вечернем отделении.

— Становится ли «зарезанным» спортсменом?

— В прошлом году мы создали для этого в университете бюро спортивной сеницы. Председатель бюро — ваш покорный слуга. Хотим добиться, чтобы ребята продолжали заниматься спортом и после второго курса, когда кончатся обязательные занятия физкультурой.

— Каковы ваши впечатления от слета?

— Это двух слезок: это здорово. А по-добнее... Я понял на слете, как нас много и как мы сильны, если мы вместе.

— Как никак восприняли вы слова Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежневца: «Центральный Комитет партии уверен, что всю свою жизнь вы будете учиться, работать и бороться по Ленину»?

— Но, товарищи, какие бы органы или учреждения ни заботились об успехах высшей школы, такие успехи не придут, если сами вы, студенты, не внесете в это дело свои решительный вклад.

Собственно говоря, ваша общественная ответственность как взрослых людей начинается с того самого момента, когда вы переступаете порог высшей школы. Ведь студенческая пора — это не только подготовка к завтрашнему дню, но просто свидание его. Это уже сегодня — яркая, содержательная жизнь. Это напряженный творческий труд, активная общественная работа.

Латинское слово «студент» словаря расшифровывают как «усердно работающий, жаждущий знания». Да, главное назначение студента — учиться. Это ясно каждому. Однако конкретное содержание этого понятия не оставалось неизменным, и в наши дни оно меняется как никогда быстро. Как учиться, чему учиться, как выбрать и усвоить главное в океане сведений, имеющих отношение к твоей профессии? Все это отнюдь не риторические вопросы.

Вы готовитесь к тому, чтобы стать специалистами своего дела на том или другом участке трудового фронта. И ваш ориентиром в учебе должны быть те требования, которые предъявляет сегодня жизнь и советскому специалисту, к активному участнику коммунистического строительства.

Советский специалист сегодня — это человек, который хорошо овладел основами марксистско-ленинского учения, ясно видит политические цели партии и страны, имеет широкую научную и практическую подготовку, и совершенно владеет своей специальностью.

Советский специалист сегодня — это умелый организатор, способный на практике применять принципы научной организации труда. Он умеет работать с людьми, ценит коллективный стиль, приспосабливается к мнению товарища, критически оценивает достигнутое.

И, конечно, современный специалист — это человек высокой культуры, широкой эрудиции, в общем, это настоящий интеллигентного, социалистического общества.

Что же нужно для того, чтобы достичь этого действительно высокого уровня?

Глубоко, в полном объеме овладеть программным материалом вуза важно, совершенно необходимо. Но одного этого недостаточно. Надо научиться постоянно совершенствовать свои знания, вырабатывать навыки исследователя, широкого теоретического кругозора. Без этого трудно ориентироваться во все увеличивающиеся объеме знаний, в растущем потоке научной информации.

Процесс обучения в вузе сегодня все больше опирается на самостоятельную, близкую к исследовательской, деятельность студента. Массовым стало участие студентов в научных кружках и семинарах, как некогда широкую популярность приобрели конкурсы и выставки научных работ. И это хорошо!

Хочу особо подчеркнуть, дорогие друзья: творчески освоить специальность, стать активным участником нашего коммунистического строительства, продвигая политику партии в массы можно лишь овладев марксистско-ленинской теорией. Учение марксизма-ленинизма — это основа, неотъемлемая составная часть знания специалиста любого профиля.

Верность марксизму-ленинизму, пролетарскому интернационализму — это благородная традиция нашей партии, нашего комсомола, которую высшая школа призвана всемерно укрепить и обогащать. Советское студенчество — передовой отряд молодежи мира. Оно вместе со всеми ровесниками из других стран активно борется против империализма, за социальную справедливость, за лучшее будущее для всех народов. И это — большое, высокое качество нашего советского студенчества!

Товарищи! Получать нужные знания, воспитывать в себе необходимые для советского специалиста качества вам помогут ваши учителя. У нас тысячи замечательных работников: преподаватели, доценты, профессора. Где бы они ни трудились: в знаменитом, со славной историей университете

НАСТОЯЩЕЙ УЧЕБНОЙ САМОТВЕРЖЕ И В Ы И М НАШЕ ВНЕШНЕПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ ЗАСЛУЖИЛИ УЧАСТНИКИ СЛЕТА ЭТУ НАГРАДУ ЛЕНИНСКОЮ ЮБИЛЕЙНУЮ МЕДАЛЬ.

или в новом институте, биография которого только начинается, его труд, его опыт, их знания — бесценный капитал для нашего общества. Во многих высших учебных заведениях сложились крупные научные школы. Их возглавляют выдающиеся ученые страны, чьи имена составляют гордость отечественной и мировой науки.

Большой ученый, настоящий педагог повторяет себя в своих учениках. Ученик перенимает идеиную убежденность учителя, его отношение к труду, научную эрудицию, методику работы. Будьте же достойны своих наставников, друзья! Дайте им высшую радость, которую может испытать учитель: сознание, что ученик превзошел его!

Словом, друзья, ленинский лозунг: «Учиться, учиться и учиться!» остается для вас и сегодня самым важным, самым актуальным лозунгом жизни!

Но мы не можем, не можем права забывать и другого ленинского призыва — призыва к тому, чтобы процесс учебы шел кругом об руку с процессом коммунистического воспитания. Конечно, эти два процесса на практике должны сливаться воедино. Однако это не приходит само собой. Об этом надо заботиться и заботиться постоянно как в ходе преподавания наук, так и в организации общественной жизни вузов. Огромную роль в этом деле призваны играть вузовские партийные и комсомольские организации.

Партийная организация университета или института — это политический авангард коллектива, а вузовский парком — его боевой штаб. В связи с предоставлением партийным организациям вузов права контроля за деятельностью администрации их роль во всей жизни высшей школы возрастает. Вне поля зрения партийных организаций не должен оставаться ни один принципиальный вопрос работы высшего учебного заведения. Содержание учебной работы и доступ студентов, организация вузовского комсомольского студенческого спорта — коммунистам вузов до всего должно быть дело.

Мелочей в воспитательной работе не бывает и быть не может. Ведь здесь речь идет об одном из самых сложных и ответственных дел — о формировании души и характера, о закладке сердца и ума строителя коммунистического общества. Партийные организации вузов будут работать тем успешнее, чем теснее их связь с комсомольскими организациями, чем лучше они вникают в их жизнь, помогают их деятельности. Ведь комсомольцы — это подрастающая часть советского студенчества.

Работа вузовских комсомольских организаций — дело важное и очень ответственное. В самом деле, учеба в институте или университете требует от молодого человека системы в самостоятельных занятиях, а для этого нужна сила воли, целеустремленность, товарищеская требовательность, ответственность к себе и окружающим. Задолжая себя дисциплиной, неуверенное выполнение основных требований, предъявляемых учебным расписанием, — таковы непрямые условия профессионального и гражданского созревания будущего специалиста. И именно комсомол призван воспитывать в студенте эти качества. А для этого нужно добросовестно выполнять учебные задания, заведению атмосферы творчества, увлеченности, взаимопомощи, которая помогла бы наиболее полно раскрытию и развитию способностей студента, побуждала бы его к поиску, к постоянному движению вперед.

Большую роль в жизни студенчества призваны играть вузовские профессиональные организации. Забота о правильной организации учебного процесса, производственной практике, об отдыхе студентов, о развитии художественной самостоятельности, физкультуры и спорта, о хороших условиях жизни в общежитии, о материальной помощи студентам, о создании у них хорошего, рабочего настроения — все это, товарищи, должно быть делом каждого из вас. Успешное формирование и воспитания выскоквалифицированных специалистов.

Мы кроно заинтересованы в том, чтобы студент рос человеком с ярко выраженной общественной позицией, не ставя себя напоказ. А для этого он должен достигать, как известно, хорошей, деловой постановкой общественной

работы. За последние годы уровень общественной работы в вузах заметно повысился. Партийные, комсомольские организации заботятся о том, чтобы она была целеустремленной, разнообразной, содержательной. Найдены и успешно развиваются такие ее формы, которые дают юношам и девушкам возможность уже на студенческой службе испытать свои силы в различных сферах трудовой и общественно-политической деятельности.

Доброе слово хочется сказать в этой связи о студентах-активистах. Увлеченные, страстные, бескорыстные — они всегда вперед — в учебе, в научной работе, в общественных делах. Партийный комитетам, комсомольским организациям надо позаботиться о расхождении лучших активистов к труду в партию. Мы не сомневаемся, что они с честью оправдают это высокое доверие!

Нельзя не отметить здесь текущую сравнительно новую форму комсомольской самостоятельности, как студенческие строительные отряды. Это — такая форма выявления и мобилизации энергии студенчества, его активности, которая, по-моему, полностью отвечает и потребностям нашего времени, и запросам самой молодежи. Школу третьего семестра прошлой осенью мы более миллиона юношей и девушек. Участие в строительных студенческих отрядах посело в души молодых добрые семена, которые дают хорошие всходы.

Работа этих отрядов лишней раз доказывает, что участие студента в общественной жизни — это не игра в самостоятельность, а полноценная, практическая полезная деятельность, которая много дает молодому человеку, развивая чувство ответственности, приносит признание общества. Свидетельством тому ордена и медали, которыми за уданный труд, за успехи в учебе, в науке только в этом году награждено пятьсот студентов.

Мне доставляет особое удовольствие сообщить вам, что за отличную работу, уданный труд, активную общественную деятельность все участники слета награждены Ленинским юбилейными медалями.

Центральный Комитет партии сердечно поздравляет вас с этой высокой и заслуженной наградой.

Центральный Комитет партии уверен, что всю свою жизнь вы будете учиться, работать и бороться по Ленину!

Дорогие друзья! Коротка студенческая пора — всего пять-шесть лет. А след она оставляет на всю жизнь. Приобретенное в эти годы — это та ноша, которая вам гордо не тает. Наоборот, чем весомее багаж знаний, культуры, общественных навыков, тем увереннее шагидает человек по жизни.

Пройдут годы, ученики, вы сдадите государственные экзамены, защитите дипломы, позарди останутся заветы и прощания. Но окончание учебы — это только начало вашей трудовой биографии. И куда бы вы ни пришли работать, вы принесете с собой то, что вам щедро дали студенческие годы; — идеиную убежденность, глубокие знания, любовь к своей профессии, преданность своей великой Родине.

Пусть же в ваших сердцах, в делах и мнентах будет всегда жива душа вашей студенческой молодости, пусть не остывает пламя ваших сердец, пусть чисты и благородны будут ваши помыслы.

Позвольте пожелать вам, дорогие друзья, отличной учебы, здоровья, счастья. Больше всего желаю вам в благородном поприще служения народу, великим идеалам коммунизма.

Да здравствует славанное советское студенчество — боевой отряд молодоты строителя коммунизма!

Да здравствует Ленинский комсомол — верный помощник Коммунистической партии!

Слава героическому советскому народу — народу-творцу, народу-созидателю!

Слава великой партии коммунистов!

добыла в сутки 500 тонн угля, а когда внедрил комплекс, выработка возросла до 7 тысяч. Вот нашей счастливой. Но чтобы справиться с новой техникой, тут одной смеянкой оказалось мало. И я взялся себе, что надо сделать за парту. Собственные дети смеялись: — Они учатся!

— Девч в пятом, сын — в восьмом классе.

— Сколько же у вас в квартире письменных столов и стульев? — Если вы имеете в виду, что на одному нужно отдельное место, то у меня их в квартире всего два. Но раньше начинаются не раньше одиннадцати вечера.

— После смены и после занятий в институте?

— Да. Часа два сижу, иногда третий приходит.

— А на работу...

— Если в утреннюю смену, то подьез в семь.

— Что оказалось самым трудным в учебе?

— Ориентировка до института. До него 18 километров. Правда, у меня машина. Ну, а если всерьез, труднее всего даются основы.

— Вы уже на четвертом курсе и вы на одном не задерживались, только сложного, этого часто бывает не только с вечерниками. Ну, а «хвосты»?

— У меня сейчас «хвост». Я сам не пошел на экзамен. Почувствовал, что не готов.

— Спрошайте? — Упроший предмет. Но я не отчаивался. Да и нехит: бригадир. У нас вся бригада учится. Двое только что закончили институт.

— А по каким предметам наилучшие оценки?

— По истории, философии, геоло-

Федор ЧАБАН,
Герой Социалистического Труда,
член ЦК ВЛКСМ,
«Шахтерской славы», бригадир
(4-й курс вечернего отделения
Донецкого политехнического
института)

— Почему вы решили пойти учиться в 38 лет, да еще после огромного перерыва?

— В 1965 году наша шахта получила новую технику — гидравлический комплекс. Что такая перемена значила! Раньше вся бригада (она состоит из 4 смен, им, по-нашему, завальва)

ПАМЯТЬ О ПАВШИХ ГЕРОЯХ ВЕЧНА, КАК ЭТОТ ОГОНЬ.

ПОКА СТУДЕНТЫ — ТОЛЬКО ГОСТИ В ЗАВОДСКИХ ЦЕХАХ. ЗАВТРА ОНИ ПРЯДУТ СЮДА КВАЛИФИЦИРОВАННЫМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ.

Людмила МАМОНТОВА,
(2-й курс Челябинского
медицинского института,
лечебный факультет)

Если бы я смогла так лечить людей, то чувствовала бы себя счастливым человеком.

А как здоровые будущие медиков?

— Треть наших ребят носит очки. Это, конечно, говорит о том, как неустанно грезит они гранит наук. Ну, а если смотреть с медицинской точки зрения, то радоваться нечему. Тем более что половина близоруких, работ с плохой осанкой приходит из школ. Потом в родильном отделении «Студенты — народному здравоохранению». Содержание его таково: добровольцы первого, второго курсов дежурят у постелей тубельбольных; третьего, четвертого — проводят занятия обучающие школьников, проверяют пищабли; старшенинские — те уже работают в общественных поликлиниках. Руководит движением комитет ВЛКСМ.

— Вы заместитель секретаря комитета. Что нового внесли вы лично в комсомольскую работу института?

— Есть у нас интересное дело, но не могу сказать, что именно я его придумала. Многие к нему причастны. Мы открыли недавно бюро эстетического воспитания. Под «иришера» объединились студенческие театр сатиры, университет культуры и кружок художественной самодельности.

— Этим летом вы были избраны номинатором строительного отдела. Как это произошло?

— До нынешнего года девушек в строительный отдел не брали. Я поспорила из-за этого с ребятами. Они смеялись: «На целине, как на морале, от женщины одно вредно». Но это же вредно, λοιπόν! Захотелось доказать свое. Сегитировала несколько девочек, мы влились в мужской отряд. Потом ребята не и выбрали номинатором.

— Что из студенческой жизни вам хотелось бы сохранить надолго, навсегда?

— Молодость, душевную приподнятость. Вот выпала зима. В шестьдесятдесят побывала бы в снежном горах. А сейчас думаю: скорее бы тепло. Иногда страшно: неужели так изменится и в другом, главном? Неужели кому-нибудь смогу не обраться тамому вет удивительному свету, новым людям, новым идеалам и спорам?

Слет дал мне очень много. Если сформулировать главный итог: свет видеть, надеясь на ответственность. Работа партии и доверие, которое нам оказано, побуждают учиться отдельно, работать, отдавая делу все силы.

НЕЗАБЫТАЯ

РАССКАЗ

овно за три месяца до войны мне исполнилось пять лет.

В этот незабываемый день я проснулась оттого, что родители громким шепотом разговаривали над моей кроваткой.

— Положи сюда, в ноги! — заговорщицки говорила мама, опираясь на мне водворенно и лицу тепло одеяло.

— Да она сейчас как лягнется, как соннет ланшу коробку, — воррежал отец. И в его счастливым опасливым тоне я услышала гордость и за подарок и за меня, так быстро выросшему уже на радость.

Родители еще только двинули к постели тяжелое кресло, чтобы водрузить на него нечто секретное, а я уже открыла глаза, не в силах больше отдавать минуту дарения.

Коробка?! Какая?! Что в ней?!

Мама бросалась поднимать и целовать меня, будто давно не видела, а я едва-едва бегомюю плеча старшая получила разгадала громадную картонную коробку, углом стоявшую на кресле.

И вот, наконец, она у меня в руках. Крышка надувнута так плотно, что мои обгрызенные ногти не могут с ней справиться. Устаю от усердия, я перелорачиваю коробку динишем зверь и вижу много коротких и длинных белых стержней, косяк и кривая бегущих по картону (точно такие стержни получаются у меня, когда я беру, что-нибудь шить). Я подталкиваю пальцами наиболее длинную итку, веру ее, и там, в глубине коробки, что-то мягко шипит. Кука?! Кука?!

Но тут, истонившая моей неузнаваемо, отец пошенично снимает крышку. Не проси кука! — в крса а и а да, уже освобожденная мной от пут, лежит одежда коробки. В чудесном беспорядке вокруг нее теснятся платя, матрац, одеяло с подушкой и дивне труски из настоящей резины. Оказывается, каждый стержень поддерживает какой-нибудь предмет кукольной гарнитуры.

Я беру в руки чудного голову, верчу в разные стороны надувные ручки и ноги, слегка оттягиваю голову, чтобы заглянуть в сумрачно-розовое нутро моей кукашки. Я так рада подарку, что ничего уже не желаю: ни пировок, ни тостей, ни любых-либо тостов — за именинницу, за родителей, за здоровье всех присутствующих.

Мне кажется, что война началась навзрета после моего дня рождения. Но ведь это не так! Были желые три месяца, когда я могла вырывать и укладывать в постель мою новую кука, гулять за руку с мамой по несеконным московским бульварам, копаться с ведром и совком в свежих сырых песочниках, благоговейно созерцать, как наша бойкая дамочка Маруся в отсутствие родителей пляшет и поет:

Распелось ли горло?

На четыре части.

Почему же не сплать

бы и кувалда светлая?

Так как веселая Маруся собралась замуж, решено было отвести меня на лето к маминной сестре в подмосковный поселок Солнечников. Впрочем, Солнечниковом называл его только папа. И мама и тетя, урюженны этим летом, вместе говорили — Подсолонечном. Мне больше нравилось последнее название, потому что оно пахло клееными семечками, до которых я бы и не могла сестрицу.

Как назло, в начале лета в Подсолонечном заболела моя двоюродная сестра. Мой пересед отстрочила сначала до декабря, потом до двадцатых чисел июня... Сидя за столом, с азыном на плече, и неутомимо переписывала с чешно-сней пачки два слова: САХАР-РАФИНАД, стараясь повернуть кружочки у «Р» в надлежащую сторону. Как вдруг в комнату абежала наша Маруся и, даже не поприветав меня, вырвала из моих рук тетрадь, так-маку возлинула вирус репродуктора в стену.

Никогда черная тарелка радио не провозводила на моих родителей так-маку спешно-комичного впечатления. Хотя она висела чуть выше лпниной головы, они тут же сияла е с гюзды и прямо-таки лег на жесткие ипички, как на подушку-думку. (Одним ухом папа недослышался.) Мама держала его за руку и повторила, как старшая: «Боже мой, боже мой!». На меня она не обращала никакого внимания.

Я недоумевала: чего они испугались? Ведь страно в него по радио не говорили — только громкое, торжественное, малопонятное... Как раз накануне вечером мама читала мне сказку про рабобойнок. Вот это было страшно! Я боялась потом выйти в коридор, опалалась изглядывалась в вакекту и плакала, грустно темнелище на меняшке. Всюду мне мерещились рабобойнки...

И вдруг по радио сказали про рабобойнок: рабобойники напали на нашу страну! Тут я заплакала и испугалась от испуга, но испуг быстро прошел. Все-таки я была надежно защищена — в нашей бойкой, солдечной комнате, рядом с папой и мамой, за цветастой спяной Маруся.

Однако я продолжала мечтать, подговаривая в себе эту летнюю способность вчерашними книжными страстями. Родители, совсем забывшие обо мне, вымучили было меня заветами, усонакавать и ласкать. А мне столько тогда и нужно было...

Бонькежи меня тревожили, но не очень. Никогда мы не ложились спать так рано, как в эти теплые летние вечера. Мама спала не развешая для стирки и утирались одеждой. А я сбрасывала с себя простыню и потягивалась стараясь чуждым мне существовать в комнате трюмох.

К трюмогам в скоро привывала, а вот серия действительна была на нервях. По тому задуханию, долготу, нечетовеческому сигналу мама вскакивала с дивана, бсжала меня одевая, утрула на чужие, кого засветило на мне плапыто, и обе мы спускались в бомбоубежище. И тут же мы были как козлы-капусты в студии черномом и кавани-ишь подлетела, чтобы и могла до-сылать. В убежище собралось много людей, они интересно разговаривали, и обычно я отказывалась ложиться.

В те время мы жили в самом центре города, в полутора километрах от Кремля. Капли из воздуха в самолеты пролетают именно над нашим домом. Как-то незаметно люди в убежище рассказали друг другу прочность наших стен; вкусы причможились, сообщали, что дом построен «я из яндек»; почтительно, котиь и стыдливо, отыпались о бланком «и о «и в я и е с я и в Выхуцине (из иностранного языка и это слово и его имя). Под этими словами переходили на «военных» ямь, клещато заверая, что никогда немцам молоточкам не сокрушить бахрушиный дом.

Однажды кто-то грохнул и посполошил над нами, а в убежище потас-сали. Истинный столяр приносил в бомбоубежище из дома наши две и мы тогда вылезли. По счастью, футика ушла на соседнюю площадку, и зарывной войлок выплыло только часть выходящих на улицу стенок. На крыше не было. Вечерами он провалил на работе или дежурил на псаке, как запихивалось к себе. Близ кресты на окна напоминали мне переплеты солнечногорго террасы, а сияния штора затенения—столь знакомую обертку сахара-рафинада. Мне даже хотелось ее изнуить.

Нет, бонькежи я не так уж и боюсь. Страхалась только друзей. Наша мамочка-домовица сидела с нами в бомбоубежище. Всегда же к нам стали заходить свирепые тети и спрашивать, тут ли живет пятилетний ребенок. Мне было неприятно, что меня называют не по имени и не девочкой, а вот так: «пятилетний ребенок». Тети грозили забрать меня и отправить в интернат. Тогда мы рскажи эвакуироваться.

По-настоящему я испугалась бонькежи в день нашего отъезда.

Мы прибыли на вокзал еще утром, назвали свою тылинуку, заняли место на парке. Ляля счастливо расслышала слово «приветство». Видно, с верхней полки куда-то как будто кто умылся и не вытерся полотенцем.

Мама бесовалась с пассажирами; а я, пшимоу не мешая, играла со своей куклой. Потом ходили за книжками, обедали аэрозумато (это мне иривил-ляло), потом я послала, потому ели, что не успели в магазин. Когда же мы выехали из Москвы. Столов совсем тепло. И тут объявили тревогу.

Мама схватила меня за руку, мы прыгнули и побсжали. Мы бежали вместе со всеми, но я, как и раньше, старалась по шпалье. Мы бежали по кругу, и мама побсжала, что не начала заглатывать, а слышала его хорошо: оно все время ролотало над нами. Среди песка, болыни и каменной маза прибегала мне голову к земле, а я не могла так низко наклоняться, я вырывалась и прыгала. Кто-то насильно винул меня в щель, тогда было очень жарко, и мама побсжала, что не могла, спускалась мама. Я почувствовала себя в полной безопасности.

Тогда я горько пожалела, что не взяла с собой куклу, оставила ее одну на парке. Как только мы вернулись в тылинуку, я кинулась ее искать. И тогда мои друзья подарили мне новую куклу. Это был очень красивый и новый бланком обильный предмет. Я отдернула руку, потому что меня proprio предупредили.

Моя кукула со своеобразным лицом, с продавленным животом и вылом-ванным туловищем ваялась среди своего «приветство». Видно, с верхней полки ушла чей-то чмодак или в суматохе кто-то соснутил сея на нее.

Я стала плакать так, как не плакала никогда в жизни. Мама тоже была огорчена: во время тревоги рабисил наш термос, и теперь в рефри-сток футляре тоненько, словно слепые интужицы, заснажи озошки. Я и сме-рдела сразу к маме: она сказала, как соблаку. А потом нормалила на столе.

В конце концов соседка по нашей дераме мне выговор. Гибнут живые люди, сказала она, гибнут дети, мои ровесники, а я оплакиваю целлоидную кукулу...

Она ведь она не знала, что эту кукулу подарил мама в день рождения, что она была слабо принята к лицу суровой коробки, что над моей кроваткой склонился тогда дорогой, добрый и утраченный мой папа.

К те тете, двородной пашной сестре, мы приехали неожиданно. Меня неприятно поразало, что она ночи не обривалась нам.

— Да, он мне писал,— не говорила, а выговаривала она растерянной маме.— Он писал, что вы приедете сюда в крайнем случае. Значит, это тот самый крайний случай.

Тети Вера дама и цвела и теперь жила одна в меонине старинного дома. Нет, не одна— с ней жил кот. Довольно противный кот, который обычно сидел, поджав хвост и лапы, причём кончик притрехного хвоста шевельлся у него под туловище. Вернувшись с работы, тетя Вера пошла к своему коту и решила, как соблаку. А потом нормалила на столе.

Вскоре после нашего приезда она принесла домой пшорожк с морковью и шурпиа масленной бумагой, положила его на блюдце. Я была уверена, что пшорожок для меня. Увидеть пшорожкам меня было трудно, так как и мама и маминя сидели за столом замечательно широко на все лады. И маминя же— растетая, и больше— кузбечка, и сбодные ватрушки с творогом, с повидлом, с вишневым вареньем, и всевозможные булочки— с маком, с казымом, с пшукатами, бог знает с чем...

Однако на этот раз мне очень захотелось пшорожка с морковью. Я вспомни-ла, что не ела пшорожк с начала войны, и рискуя захлебнуться слюной, устремила на блюдце красноватый взгляд. Видь прорез глазами мне не запрещали. Но тетя Вера не понимала таких тонкозей. Она икнула из кота, и он, как-то осязательно беснуясь, валился тонкой струйкой на пол. Кот поже мой поже крепко подхватил маминяными губами, выморачивая квадратную голову с балебардами попеременно то влево, то вправо.

Я была не дера, чтобы плакать из-за пшорожка, и все-таки мне было

обидно. Если бы пшорожек съед ребенок, любой, а бы, честное слово, не завидовала. Или сама тетя Вера, или моя мама. А тут кот...

Через неделю я знала всех жильцов тетериного дома. Их было меньше, чем в одной нашей московской квартире.

Первым делом я познакомилась с Юрю. Юрье только что исполнилось пять лет, но он уже был куклонгом. Всею якую у него болели уши, и тетя, чтоб и жару, чтоб и дождиком пшаскою, вояла и забуквожила ковер-очных пророжк. Она думала, что пророжк вымала девочку в трусах и майке. А это была «рабонька», «пшана», «пшарат»; как называла его кронаба бабушка.

Сестрички бубунте Варваре Петровне я услышала то же, что и бесовомом: бахруцине: она была думом а д е л а и е д е . Но сейчас, а когда-то давно, до революции. Дом, где мы жили на чердаке, принадлежал раньше Варваре Петровне целиком и полностью. Интересно, что у ее было на чертушке? Юрья винуял мне, что голубята бы отца. Но, по-моему, юрьке вымыслили.

Отца Юрья воевал, мы его не встретили. Зато близко уюу Юрья мамить Настю— «гладилу», «стеру», «насиде ады»,—одна же по характе-ристике азоборетательной Варвары Петровны. Тети Настя была рскама, но не совсем похожая. Она работала килькой в госпитале и могла при крайней нужде достать редкое лекарство.

В одной из комнат жила девочка примерно наших лет— Ляля. Она тоже была эвакуированная. Юрья и Ляля не любили друг друга, и я сразу оказалась между двух огней.

Настю и Лялю Юрья действительно был куклонгом. Он мучил кота. После истории с пшорожком я особенно не возражала против жестокой азаты коварного дурба.

Он поднимался к нам на чердак, когда ни тетя Вера, ни мамы не было дома. Я была одна.

— Васька, по мне!

Васька, разумеется, мчался не к нему, а от него, задая торжественным лапши какие-то пшорожки, перерегистре лампочки, узякая трыня— вст, чтоб и подбираться к нему. И он, получив такой ответ, пересаживался под хозяйский кровачек, откуда Васька вытаскивался в сопровождении собственного оркестра*. Так несколько инитивно выражалась мой приваля.

Зачем Юрья брал котя за передние лапы и под счет «а-ты-дэ» волил по комнатам? Вслед за этим он меня неудобно половежив кота на совершенно нестерпимо, аставляла Ваську «маршировать» с высоко задранными задними конечностями. Завершаясь все подобранными Васьки. Мучитель поража кипирить его пушок вперед, чтобы он перевернулся в воздух.

Рост Юрья был самым малым. Когда он пророжился к Юрье, я подала ему котя. Как все дети, мы переопытали защитные свойства природы, считая, что уж какой животное падает на все четыре лапы, его можно обривать тучи. Рост Юрья был самым малым, поэтому и пророжился я мне не слышала.

Кот злобно царапался. Тогда мама осенила: а не подстричь ли его коти? Я сразу нимово вооружилась портновскими ножницами бабы Вери, а я исполняя обязанности ассистентки. Известие, чем бы все это кончилось, будет так же, как и тогда, когда Юрье «кажлого друга своей азоборетательности» от старости лапкой.

На короткое время мы оставили его в покое.

Мама уюдилась очень рано— я еще спала. Она стояла в очереди, выме-ривала, а я, получив так что-то неловко, сбежала садил куда-то за дворами, пыталась упереться на работу поближе к дому.

Я тосковала без нее.

И раньше любила маму, но не так, чтобы незаметной любовью. Я могла быть и без нее и думать, а думать, чтобы не пророжиться у папы и жид Марга. Поэтому я не могла спрощать? Теперь мне но у кого было спрашивать об этом, и я просто не находила себе места от беспокойства.

С вечера мама ставила передо мной круглую будильник и, постукая пальцем по заставленному циферблату, поминала: «Куда болыная стрелка будет тут, а маленькая тут, и обязательно пророж!».

Местоположение болыной стрелки я запомнила быстро: 12. Но сама она была не по росту беспомощной. Все мои чашки сваямывались с малень-кой стрелкой, которая еле-еле дигталась. Мне постоянно казалось, что бу-дильник неспроузится, что часовая стрелка устала гоняться за своей дольшой соседкой.

Зато, когда мама приходила домой, ярче горела свет, дольше держала тепло никуда не годная нечка-вертушка, вкусно становилась самая постя-ная.

Иногда мама читала мне книги— одну из двух книг, привезенных нами в эвакуацию: «Мороз, Красный нос» Некрасова.

Удовольствие от книги было двоякое: рисунки и стишки.

* Рисунки восторгали детей. Сидела перед картинкой и так живо, так точно и так подробно, что я могла подлугу рссматривать каждый строк: хохолок на заднице у мальчика, бусы в три ряда на шее у Мани, завитки сорванного Гриншурго гора.

Тайно от мамы я выглаживала стрелку ластиковой историей части рисунка, чтоб и зареветь от удивления. Наховому рисунку картинка специально для меня и что все они существуют в единственном экземпляре, как, например, и сама книга.

Стишки... Но пророжче чем обратиться к стишкам, надо рссказывать об одном печальном заестве.

Как-то мне разбулил историйный вопль Варвары Петровны.

— А-а-а-а!— выла она под нашей лестницей.— А-а-а-а! Ироды! Дюво-ли! Вудьде вы прокляты!

Мама вымежала уюнять, а чм дело. Кота Юрьяна бабушка руталась, чм-то ей перебили, перебили меховые браны мы никогда не слышали. Вернувшись мама заплакающей: сил Варвары и Юрья отец пропал без вести.

Мне сразу переболало волнение мамы. Она Наверняка подумала и о моем отец: до этого давно не было писем. В последний раз он сообщил, что будет в командировку в Ленинградскую. И маза тогда же предположила, что вылезает он на фронт.

Я люлю играла в этот день. Юрья не показывалась. Выколочена Ляля не могла мне его заместить. Я наизусть выучила некий набор Лялльных развлечений: вырывать салфетки из бумаги; накупить салфеточками,

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

вырезать человечков; создав целую бумажную семью, вырезать одежду для нее. Вырезать... Вырезать... Вырезать...

Ляляна мать была артисткой. Ну, может, и не артисткой, а гримером, блондершей, буфетчицей в театре — такая рванщи! Барбара говорила: «У меня живет артистка из Москвы». И встал за ней все стали считать Лялю маму артисткой. Я знала и тому времени только трех артистов: Лемешова, Тарасову и мать Ляли...

Я бумажно выносила над вырезанным плодотворной бумажной семьи, когда на чердак поднялся Юрка. Он держался уверенно, как всегда. Ляля сделала движение к двери, но Юрка остановил ее повелительным жестом:

— Внимание! Сейчас будет взрыв!

Я все похлопала, когда он направился к печке. Мама строго-настрого запрещала мне к ней подходить, пугая прираком пожара. В другой день я ни за что не позволила бы Юрке посягать на этот железный щип, проперенный дырочками от чрезмерного жара. Но сегодня ему все было позволено!

С хозяйственными уватками Юрка открыл трубу, разжег бумагу и метнул в печку надорванный сверток белого кристаллического порошка. От всплеска бегаловатой яркости и красоты все замургурился. Ляля прыгала наполовину тети Вера. Юрка торжествовал. К счастью, нафталин — а это был именно он — протерел огнем, но причина нам ущерба.

Вечером я случайно увидела Юркину мать. Белая, как бумажный человечек, и такая же выдала, бесцветная, ждала она на пыльной своей постели. Это Настя-то, легко посвящая на синие бумажные мешки драгоценный картончик!..

В книге «Морос, Красный нос» меня потрясли две строчки:

Шумят же глупые дети,

Таскуют рыдают меня.

Они объяснили мне Юрку, нас с Юрькой, меня самое. Вот оно что, оказывается... Умер крестьянин, кормилец, Прокалушка, как ласково называют его жена. А детям хоть бы что: они не понимают смерти, не разделяют скорби матери, не сочувствуют ее рыданиям. Они «шумят», потому что они «глупые».

Так же «шумела» Юрка со своим нафталином, когда пропал без вести его отец. Так же занималась пустяковыми делами я, когда мама отставила ноги в очередь, билась над дырчатой печкой, ждала весточки от папы.

Пристально глядясь в знакомые рисунки, я уловила у Дарьи сходство с моей матерью и в особенности с тетей Настей. А стикки? Да не про нас ли они написаны:

А Дарья домой вернется —
Прибьет, детей напортит.
Ах-ах! Как жбе наступилася!
Торчится печь затопит.

Ан гляд — ни полена дровишек!
Задумалась бедная мать:
Помнить ей мать ребятишек,
Хотелось бы их приласкать...

Не все я понимала в некраековой поэме. Но самый лад ее был удивительно созвучен душе. Именно созвучен. И сейчас не могла бы, прыгая с ноги на ногу, весело выкрикивать звонкие доверные стихки:

Приехали, приехали
Родители приехали.
С конфетами, с орехами
Родители приехали...

И дело не в том, что никто не привезал ко мне, никто не привозил мне конфет и тем более орехов. Просто жизнь заучивала по-иному.

Перед своим маме предупредила меня, что вернется домой позже обычного: сплелунит пообедать ей кубометр березовых дров, а за ними нужно долго ехать. Я потребовала зафиксировать на часах срок ее возвращения. Поколебавшись, она показала на верх и низ циферблата.

С утра и слушала радио, рисовала по памяти нашу московскую комнату: вот тут диван, рядом раскладной стол (я удивляла его в обе стороны, как если бы за ним сидели гости), а тут мой утюжок с иржухами...

Цветные карандаши подарила мне тети Вера. Она очень изменилась по отношению к нам. Радовалась телу и свету в своей «холодильной» комнате; называла мою маму по имени, а не по имени и отчеству, как бывало; глядела меня по голове. Оторчала ее только кот Васяса. Он был уныл, мало подвижен. Тети Вера опасалась, что он скоро умрет.

Нарисовавшись, я попробовала читать. Я давно уже присматривалась к маминому чтению, зрительно запоминая расположение тех или иных строк. Для меня не оставалось труда обманывать маму, выдавая хорошую память на стихи за бергзе — но не летая — ттени Некрасова. И только на днях я стала читать не поверх строк, а радостно укореняясь на каждом слове.

Часовая стрелка пересекла шесть, а мама не возвращалась.

Я стала перебирать в уме все страшные случаи, которые рассказывались в то время. Маму заманили в ловушку, ограбили и замкнули в холодном сарае. Маму выбросили из кузова грузовика, и теперь она замерзает в снегу и протяжно зовет меня: «Доченька! Доченька!»

Ах, нет, как это я сразу не сообразила?! Мама поехала за дровами совершенно так же, как Дарья. Она так же заблудилась в лесу, закончилась и влият равские сны про меня, про папу, про Солнечногогорск (я слышала, его захватили фашисты). Она не может понимать ни русской, ни по-гой, потому что ее звали Морос. Над ней прыгает одна только маленькая, бесцветная белка:

Ком снегу она уронила
На Дарью, прыгнул по спине.
А Дарья стояла и стыл
В своем замордованном сне...

На мой безудержный плач прибежали сестра и Ляля и Юрка, и оба стали утешить меня, как могли. К моему плуцкому горю, они даже не усокнились в том, что мамы уже нет в живых, а принесли dokonce решать мое будущее судьбу.

Юрка предлагал мне поселиться у них и ждать возвращения моего папы (если он не погиб). А Ляля обманывала меня Московской, рисуя заманчивые театральные перспективы нашей с ней совместной жизни.

Я финически ощутила невыносимый тиск двойного сиротства.

Это что за счастье!

Мама, живая и счастливая, поднималась по лестнице. В руке у нее было распечатанное отцовское письмо.

«...усилить поисково-разведочные работы по выявлению месторождений богатых железных руд в районах Сибири и Урала».

Из Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы.

ТРОПА К НЕДРАМ

Леонид ПЛЕШАКОВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

Полярный Урал трудно сравнить с каким-либо другим районом страны. Вершины гор сглажены и не особенно высоки, но даже в самый разгар летней жары они одеты в снеговые шапки. Они так и уходят в зиму с седой головой. ярко-зеленая, чуть усохшая тундра стелется до самых подножий гор и останавливается перед каменными осыпями, не решаясь вскарабкаться выше. Только в долинах, прорезанных горными потоками, притаился густой лес. В короткое лето природа будто торопится наверстать время, упущенное в долгом ледянистом зимнем сне. Сочные травы выносятся к солнцу метелки соцветий. Цветут деревья. Птицы торопятся вывести и вырастить потомство, научить его уму-разуму перед дальней дорогой на юг.

Торопится природа.

Снежат и люди. Плынут по рекам катера. Тракторы месят болотистые мхи. Стрекочут над тундрами и тундрой вертолеты.

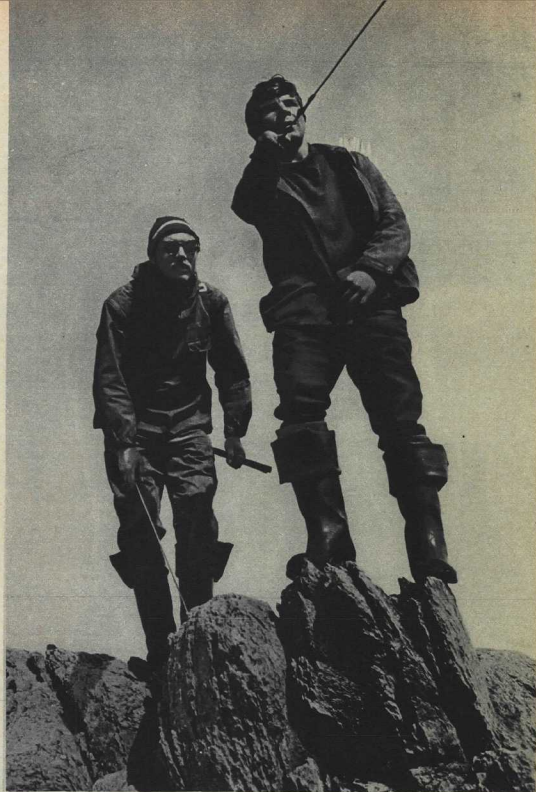

Короткое полярное лето — лучшее время для геологов. Вернувшись осенью «с полей», они станут обрабатывать собранный материал. Что принесет им? Новые открытия? Разочарования?

В конце июля вместе с небольшим отрядом Северо-Уральской экспедиции «Главатингеологин» на поиск хромитов отправился специальный корреспондент «Смены» Сергей ПЕТРУХИН. Отряду повезло: обнаружены крупные проявления хромовых руд.

Сегодня вместе с фотоочерком мы публикуем интервью, взятое у старшего инженера управления черных металлов Министерства геологии СССР Елены Владимировны Деянской.

— Елена Владимировна, в последние годы на Полярном Урале открыт целый ряд месторождений полезных ископаемых. В частности, хромитов. Скажите, чем объяснить это «второе дыхание» нашего старого торфорудного района и какое значение могут иметь эдземские находки?

СТАРШИЙ ТЕХНИК-ГЕОДЕЗИСТ ЮРИЙ ЕРМАКОВ И РАБОЧНИЙ-ТОПОГРАФ ЯКОВ МАВМОН НА ОПОРОНО-ГЕОМЕТРИЧЕСКОМ ПУНКТЕ.

— Если говорить о Полярном Урале, то его, пожалуй, нельзя назвать старым торфорудным районом. Южный и Средний Урал — те действительно давно и детально изучены геологами, их полезные ископаемые уже десятки и сотни лет разрабатываются человеком.

Полярная же часть этих древних гор из-за суровых условий только в последнее время стала по-настоящему исследоваться. И это дает новые открытия. К тому же развитие техники, геологической науки позволяет нам более эффективно вести поиски. Если раньше мы искали руды по поверхностным их проявлениям или путем прокладки небольших выработок, то теперь данные геофизики, глубинные бурения позволяют нам дальше «заглянуть» в земные недра. Так что даже старые, хорошо изученные районы могут удивить ранее неизвестными богатствами.

Что касается хромитов Полярного Урала, то открытие эдземских месторождений для народного хозяйства страны имеет большое значение.

— Почему? Наша промышленность испытывает голод в этой сфере?

— Совсем нет. Советский Союз занимает первое место в мире по разведанным запасам вы-

сортных хромитовых руд. Это позволяет нам по-прежнему полностью удовлетворять нужды собственной промышленности, но даже часть сырья экспортировать. Но хотя месторождения в отрогах Южного Урала — основного поставщика отечественных хромитов — далеко не исчерпаны, мы должны искать новые, потому что для народного хозяйства неудобно иметь запасы этого сырья в одном районе.

Главная причина: хром — металл технического прогресса.

Он был открыт в 1797 году французским химиком Л. Н. Вокленом в «сибирской красной свинцовой руде» крокоите и получил свое название от греческого слова «хрома» — краска — благодаря яркой окраске своих соединений.

Долгое время применение нового металла было ограниченным. Хромовые квасцы использовались при выделке кожи, в фотографии. Но настоящим рождением хрома стал XX век, когда было открыто, что он дает отличные сплавы с другими металлами. Добавление разных количеств этого металла в сталь придает ей ценнейшие качества. Она становится более твердой, жаропрочной, износо- и кислотоустойчивой. С помощью хрома

ОТ МЕСТА ПОСАДКИ ВЕРТОЛЕТА ДО ЛАГЕРЯ ГЕОЛОГОВ ОСТАЛОСЬ ДВА КИЛОМЕТРА. ГРУЗЫ ПРИШЛОСЬ НЕСТИ.

ПОЛЯРНЫЕ РЕЧКИ БЫСТРЫ И КОВАРЫИ.

ЕДВА ЛИ НЕ САМАЯ ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗАДАЧА — УМЕЛО СНАРЯДИТЬ ПАРТИЮ.

ИНТЕРЕСНЫЙ ОБРАЗЕЦ.

изготавливаются различные сорта нержавеющей, высокопрочной конструктивной, кислото- и жароупорной, инструментальной и других специальных сталей.

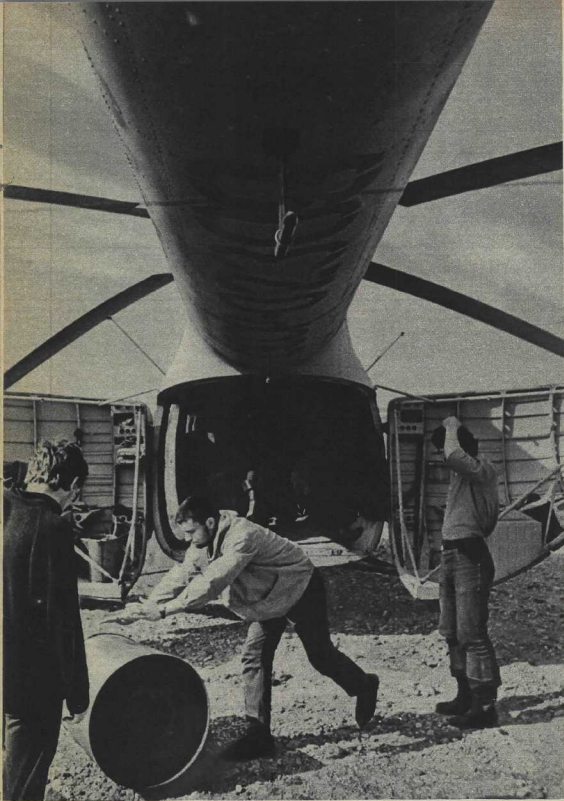
Сейчас невозможно перечислить все изделия, куда входит хром. Шестерни машин, коленчатые валы, детали авиационных и автомобильных двигателей, пружины, режущий и измерительный инструмент, лопатки турбин, шариковые и роликовые подшипники, иглы, хирургический инструмент, пистолеты, лезвия бритв, электроды, электрическое оборудование, огнеупоры для металлургического производства, хромированные покрытия — везде есть доля хрома.

Мне кажется, возможности хрома при получении легированных сталей и сплавов еще не исчерпаны. В будущем потребности в нем возрастут, и мы, геологи, должны заранее подготовиться для промышленности новые месторождения этого металла.

— Полярный Урал в ряду тех районов, где можно рассчитывать на большие запасы?

— Возможно...

НАЧАЛЬНИК ПАРТИИ ОЛЕГ КАПЛИН, КАК ФРОНТОВОЙ КОМАНДИР, СЧИТАЕТ БЕЗОТКАЗНУЮ СВЯЗ ЗАЛОГОМ УСПЕШНОЙ РАБОТЫ.

— Звучит можно предположить, что в том месте, где наш фотокорреспондент сидит, отсюда летом первую плавку геологов, со временем вырастет поселок горняков или даже город. И, таким образом, фотографии в вашем журнале запечатлали как бы его преддверие.

— Да, здесь может возникнуть город. Мне кажется, что в Войкар-Сымыльинском и Райнском массивах Северного Урала мы наткнулись на крупное месторождение хромитов. Размеры его запасов еще не подсчитаны, но уже немедленно должны позволить утверждать, что рано или поздно начнется их разработка. Хотя не всегда всад за геологической находкой начинается разработка месторождения.

— Почему?

— Геология — сложная отрасль хозяйства. Лет тридцать назад, еще до войны, мы, студенты Московского геологоразведочного института, сочинили легенду, в которой были такие слова:

«Где с молотком хоть раз прошел геолог,
Там через год возникнут города».

Дело было на практике в Крыму. Мы были молодцы. Романтичны. И верили, что наша профессия — самая главная и самая интересная. Я и поныне люблю свою профессию. Но не решусь с прежней уверенностью утверждать, что, где бы мы ни прошли — даже найди при этом коалесценцию коньяков, — всегда сразу же возникают рудники, поселки, города.

Все не так просто. После поисковиков сюда приходят геологи-разведчики. Они с помощью бурения скважин или прохода горных выработок определяют месторождения. Добудут необходимые для лабораторного и промышленного исследования количества руды. Они должны ответить не только на вопрос, сколько в недрах металла, но и какова мощность рудных пластов, на какой глубине они залегают, в каких породах. Они должны изучить гидрогеологию района, чтобы заранее знать, во что ободается осушение шахт и карьеров от грунтовых вод. Промышленные и лабораторные исследования в это время покажут, возможно ли из данных руд извлечь металл и во что эта переработка ободается. Другим специалистам доказывают стоимость дорог, жилого и промышленного строительства на месте добычи, затраты на транспортировку руд.

После такого тщательного изучения и досконального подсчета — все эти материалы составляют отчеты — происходит защита запасов нового месторождения в Государственной комиссии по запасам полезных ископаемых. Только утверждение комиссии дает право на проектирование и строительство горнорудного предприятия.

Однако случается, что и после успешной защиты новое месторождение еще долгое время не разрабатывается, ждет своего часа. Многие заивают от скандальности конъюнктуры на данный вид сырья.

— Те, кому случается бывать в геологических партиях, замечают, что чаще всего в них работает молодежь. Чем это объяснить?

— По-моему, тут две причины.

Работа в поисковом отряде, разведочной партии — это накопление знаний, опыта, приобретение умений, которые для геолога не компенсирует защита диплома. Только исходив сотни километров в геологических отрядах, он становится полноценным специалистом. Вторая причина: прелесть трудящегося молодой жизни и пользы условий легче всего молодому человеку с крепким здоровьем и не обремененному семейными заботами.

С другой стороны, для руководства геологоразведочными работами необходим достаточный опыт и знания. Так что это вполне естественный процесс: с возрастом даже многие самые завидные землероходки становятся кабинетными работницами.

— Что самое трудное в работе геолога?

— Шесть месяцев в году жить в палатке, ночевать в сильном мешке, искаживать в день по 20—30 километров с рюкзаком за плечами пешком. Но разве процесс по какому-то косвенным признакам обосновывать и доказывать, что в данном месте может быть месторождение полезных ископаемых? В нашей работе много построено на гипотезах, аналитике. Заглянуть под землю невозможно. По куску случайно найденной руды, по керну из скважины приходится разрабатывать и строить модель недр. И ошибка приводит к бесцельному расходу средств.

В этом отношении наш труд чем-то схож с работой врачей. Они ставят диагноз на основании ряда проявлений болезни. Но ведь многие болезни имеют сходные симптомы. А врач не вправе ошибаться.

Так что нельзя сказать, что в нашей работе труднее.

СРЕДИ "АНТЕЕВ"

Евгений МЕСЯЦЕВ,
специальный
корреспондент «Смены»
Фото автора

■ За штурвалом — командующий ВТА

■ Двое на одном парашюте

■ Десант прыгает в ночь

КОМАНДУЮЩИЙ ВО-
ЕННО - ТРАНСПОРТ-
НОЙ АВИАЦИЕЙ ГЕ-
НЕРАЛ - ЛЕЙТЕНАНТ
ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕ-
ВИЧ ПАРКОВ.

Воскардилью сверхтяжелых «АН-22» — «Айтев» — я лечу на борту четвертого торного «АН-12». Его ведет заслуженный военный летчик СССР, командующий военно-транспортной авиацией, генерал-лейтенант Георгий Николаевич Пакиев.

Это личный самолет командующего: в любую минуту для него генерал со своим экипажем может залететь в подчиненные авиационные части, чтобы на месте руководить их действиями.

Около часа мы шли, полагаясь на приборы. Внезапно в глаза ударило солнце, и дождевые капли на лобовом стекле превратились в блестящий, как золотоскопское хрустальное зеро, «Включить автонаведение!».

Войной пилот взял управление машины: генерал Пакиев снял наушники, отступил привязные ремни... Тонкие замшевые перчатки, начищенные до блеска ботинки, разутюженные броки, комфортабельные пилотские кресла... Устал держал пульты — выключил автопилот. Можно нажать кнопку и попортить у бортехника термос с горячим кофе и бутерброд с ветчиной. Наверное, и кофачка стоит где-нибудь рядом. Нет, пожалуй, здесь и не «наклет» людям, для которых настоящие стихия — насклад удомозрительных фигур высшего пилотажа,хождение за два аэума, погоня за бомбардировщиками, ракетная дуэль с танками или же с себе подобными: «небесные тихоходы», «воздушные навигаторы» — что еще слышно о летчиках транспортной авиации? Но ведь среди этих людей семидесять лет. Героя Советского Союза... В военно-транспортной линии Ни-

колай Гастелло — он летал на «Т-3»: бросал парашютом, бегал, бросался, проволочился, стараясь. А легендарный морской ас, генерал Остряков, тоже ведь повально служил в ВТА. Часть, две навечно зачислен в списки капитана Гастелло, капитана и другими именами. Бортехник Чудовский в воздухе погасил горящую кабину самолета своим парашютом. Летчик Губин вел победную машину к линии фронта, а когда поля, что не дотянуть, приказал своему технику Сергею Уткину покинуть самолет. Но еще в кабине осколком винтового шарада поврзал в лобчатый парашют бортехника; чтобы спасти Уткина, Губин решил прыгнуть вместе с ним на одном парашюте.

— Знаю, знаю, что вы сейчас себе наговариваете... неохотно скажешь генерал Пакиев, — «королевский воздушный флот», «авиация пилотов» и тому подобное... верно ведь? Я думал примерно то же самое, когда с реактивных бомбардировщиков меня перевели на двухмоторный, тихоходный «АН-3». Уже на следующий день, после приказа о моем назначении в ВТА, я обмыв пороги штаба — хотел остаться на своем «АН-28».

Теперь вы, конечно же, считаете, что на свете нет ничего лучше военно-транспортной авиации? И не пытайтесь этого скрывать, хотя вы, наверное, и думаете, что мне по долгу службы надлежит утверждать именно это?

— А разве можно равнять летчик-коператоров и пилотов ВТА?

— А почему бы и нет? Судите сами. Летчики транспортной авиации проходили точно такую же медкомиссию, что и «сверхзаконни-

ки», — иными словами, в наших пилотах врачи предвещают очень жесткие требования к работе в воздухе. Современный самолет-перехватчик способен продержаться в небе ограниченное время. Если же вы быстро залетите, мгновенно начатк воздушную атаковать его и назад, на свой аэродром. При этом с земли перехватчиком управляют штурманы. Конечно, в воздухе летчик сверхзвукового самолета испытает огромные физические и психологические перегрузки, но ведь «транспортники» работают в небе не меньше, предвстает, сколько сил и эмоционального напряжения требуют, например, от наших окпашей полеты стрелы в атаку и облаках: без ориентиров, на полном доверии и приборам навигации, с людьми и боевой техникой на борту. Весь груз можно доставить в точку назначения и обязательно в заданное время. Это все равно что из лукапустить стрелу в дальнее ушко.

— Что же может военно-транспортник в небе не меньше десантных войск, их грузов и техники. Представьте и такую картину: наступление сухопутной войска отступалось от нас слабейшая — да только горячее, боеспособное, продуктивное и тому подобное. Вот тут-то и начинается работа экипажа ВТА. С малых высот (приняв формулу расчета высоты полета, вышес всего) теперь изменилась: только на малой высоте можно избежать зорких глаз радиолокаторов) войскам доставлять боеприпасы.

— Но ведь и у противника есть перехватчики, истребители, зенитные ракеты — они же не станут ждать, когда парашютисты самолета спокойно подлетят к точке высадки... — Вы забываете, что в боевых условиях вышес любой генерал? Именно ракеты прежде всего подавляют очку любого сопротивления: авиации; авиации, позиции зенитных ракет, танки врага и после работы ракетчика в нужной нам точке найдется что-нибудь значительное, что могло бы противостоять десанту. Кроме того, следует помнить, что воздушная переброска войск и грузов всегда осуществляется под прикрытием истребителей и наземных средств ПВО.

— Георгий Николаевич, а кого, по вашему мнению, следует считать «красным отцом» современной военно-транспортной авиации? — Маршала авиации Николая Семенича Скрипко, бывшего командующего ВТА. Его авторитет и надежность, помогли сразу же после войны получить замечательный транспортный самолет — «ТУ-4». Затем по приказу ВТА Олег Константинович Антонов сконструировал «АН-12». Много сил и энергии вложил в эту машину и маршал Скрипко.

— Понятно, что основная нагрузка по переброске войск военно-транспортной авиации ложится в дни учений. А чем ваша жизнь занимается в обычное время? — Летает. Бывалые пилоты и штурманы учат молодых. Очень часто нас просят о помощи Аэрофлот, строители, геологи, нефть и газодобытчики. Вот и теперь в воздухе находятся несколько экипажей ВТА: везут на север фрукты и овощи, запасные части машины.

Командующий снова наводит внимание, берет штурманов за плечи и не делает этого — второй пилот вел машину отлично, но генералу очень хочется посылать «АН-12»: «А то еще, чего доброго, забудешь,

как это делается... Я лезу в застенную кабину штурмана, чтобы увидеть, почему произошло такое. Но сам штурман не вылезает из заднего макушки осеи, стьки бетонных плит на посадочной полосе слились в темно-серую ленту... Минуту-две я сижу в кабине, а штурман стремительно катится к краю аэродрома, и я вижу рад «Айтев». Сегодня поздно вечером мне предстоит вылететь с очередным вылетом на аэродром.

ПРОБЕЖАВ ПО ПОЛОСЕ, «Айтев» медленно отъезжает от бетонки и высоко вздвигает нос. «Экипажи! Включите инерционные маски!» Мы подползли к бортехнику, метрам, чтобы занять свое место в строю десантных машин. Здесь, за облаками, среди луного света коммандир штурман выключил автопилот и приглашает меня пройтись по «Айтеву».

Если измерять поемную излучающую площадь «АН-22» в частных числах квадратных метров, то получится, что два летчика, бортехники и радиотехники в девятиметровой кабине (у бортехника радиоприемники, истребительная машина, командир и водители такси) — комфортабельный, уютный десантный — под илюхой кабиной — семь ступеней крутого набора высоты, показывающие «команде» навигатор работает в одиночку. Стены его кабины заставлены алюминиевыми стеклами, на которых коммандир штурман выключил подобного масштаба: ЭВМ, астро- и радиоконпасы, радиолокационная станция, перископический визиратор, радиопередатчик, радиоприемник, странствие навигатор «Айтев» определяет мгновенно; стоит нажать кнопку компьютера, и на табло тотчас появятся показания приборов, показывающие широту и долготу.

Каждый из четырех двигателей «Айтев» имеет в своем черте электростанции. Самолетные генераторы способны снабжать все системы управления, радиолокаторы и передатчики, обогревать кабины, вилты моторов, питают сотни датчиков и приборов. Все управление двигателями, механику узлов «Айтев» сосредоточено на двух штурманских пультах бортехника. В полете он неотступно наблюдает за каждой стрелкой приборов.

Остальные члены экипажа «АН-22» работают в грузовой отсеке: следят за показаниями приборов, креплением груза в соответствии с десантником. Сейчас в отсеке полумрак, и он похож на таинственную, огромную пещеру, в глубине которой тучно проглядываются люди в масках.

Командир влез в кабину — подходит время выгрузки. Вся армия резко снижается. Земля не видно — ее скрывает туман, образовавшийся на гле-то за ними площадь, на которую нужно бросить парашютистов. Они находятся у самого моря, в тылу еще не вылетели.

Электронные глаза шарают по земле. Штурман вот уже полчаса не отрывался от компьютера и карты. Не скрываете выборки, а сейчас уже минут! Ветер у земли — 4 метра в секунду! Сейчас в грузовой отсеке заводится желтая лампа-сигнал для парашютистов. Парашютисты встают со своих мест, они уже осматривают снаряжение. Сильно боится, за бортом по-прежнему серая пелена. «Открыть люки! Пошли!» Кто-то из парашютистов вылез на сиденье карандина и таплету с кроссоводом. Бортехник осматривает сиденья и ритм инерционных масок. Отключил отсек кажется просто необязательно.

Теперь можно и перекусить. Пока второй пилот поднимает «Айтев» за облака, едим и допиваем сок. Кофе лужице поберечь. Впереди половина ночи, и кто знает, что там еще задумала «небесная котюра».

ВСЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ «АЙТЕВ» НАХОДЯТСЯ В РУКАХ БОРТОВОГО ТЕХНИКА.

Социалистическое соревнование рождает в массах трудовой энтузиазм, творчество, выдвигает миллионы передовиков и изобретателей, рационализаторов и новаторов.

Из Постановления ЦК КПСС
«О дальнейшем улучшении организации
социалистического соревнования»

жит будущее: на естественную жажду творчества, без каких-либо иных побуждений.

Именно это широкое народное стремление к самовыявлению через технические творчество легло в фундамент творческих коллективов бригад. И именно оно определяет стиль жизни этих бригад, их почерк, их нравственное лицо.

глядящим в творческую коллективную бригаду. В этой своеобразной коллективе, не предвсказанной штатным расписанием и не утвержденной никем свыше.

Вот, скажем, инженер Владимир Антонов. С огромным блеском, с умным, пронзительным взглядом — само олицетворение изобретателя. И маленький, сухопарый Василий Яковлевич Горюнов, рабочий-наладчик. Что общего у этих людей?

Антонов сказал мне: «Наладчиков много в цехе. А мне нужен Горюнов, он умный человек, творческий». Как и сошлись они? Конструктор увидел: вот человек, который улавливает мою мысль в проекте, развивает, готов идти со мной до победного. А рабочий принял: инженер, конечно, понимает, что к чему, а выслушал меня, не пренебрег предложениями, значит, делу я буду полезен.

До недавнего времени у нас в стране не было производства штампованных ванн, а их требовались сотни тысяч в год.

Нужна была автоматическая линия штамповки. А дело это, как вы понимаете, нешуточное, — сказал Антонов.

И в этой связи он произнес слова, приведенные мною в начале статьи, о том, что нет принципиальной разницы между работой над самолетом и работой над настольной или, допустим, ванной. Ну, может быть, насчет отсутствия «красивых» инженер-преувеличил и его слова нельзя понимать буквально, но тем не менее ясно: когда встает проблема автоматизации производства, критерием сложности инженерного труда становится сложность технической задачи, а не сама по себе готовая продукция.

Я видел ванну, конструкцию которой разработал Антонов, видел и поточную линию из нескольких мощных прессов — автором новой технологии стал этот молодой инженер. И новый способ производства очень красивый на вид, дающий, впрочем, это тоже дело рук.

Но не только его. И именно это было предметом нашего с ним разговора.

Трудно оценить вклад бригады, — сказал Антонов. — Собирались разные люди. Каждый — специалист в своем деле. Что нас объединило? Василий Яковлевич Горюнов прав — интерес. Ведь нас ничто не регламентирует — не хочешь, не вступаю в дело. Не на сознании, на желании. До последнего слова сидим на заводе, неделю за неделей, пробуем, экспериментирем. Однажды решили завтра, в воскресенье, отходить. А в понедельник я вдруг узнаю: Го-

рянов, оказывается, и в воскресенье был на заводе. «Мне мысль одна не давала покоя! — объяснил он. Чувствуете? Как же человек будет отдыхать, если его «мысль мучает»? Нет, это он верно определил: интерес в чистом, как говорится, виде — вот что побуждает людей к творчеству. Ведь моя радость находим в нем. Истину знают».

Разумеется, не все обстоит гладко в организации творчества на линейном заводе. Да, казалось бы, это превосходно, что человек по доброй воле приходит на завод в выходной. Но есть и другая сторона вопроса. Можно было бы посоветовать, что еще не очень рационально используют творческих людей — способных инженеров, опытных рабочих — загружать их второстепенной работой, текущими заказами. Непело вынуждать человека вести свой творческий поиск в вечерние часы или по субботам и воскресеньям. Наверное, могла бы быть усовершенствована и структура управления творчеством. Инженеры говорили мне, что следовало бы анимировать прислушиваться к мнению специалистов. Разумеется, хороший администратор не примет решения без совета. И если, к примеру, главный технолог завода считает, что решение проблемы не совпало с мнением администрации.

И тем не менее стиль жизни творческих коллективных бригад не спутается с общим укладом производственной жизни.

Я попросил организаторов заво-

дского технического творчества сообщить мне слухан «прогулов» в творческих коллективных бригадах.

Главный инженер завода рассмеялся, а Валентина Михайловна Татьяна, начальник заводского БРИЗа, удивленно поджала брови: «Нет, — сказали они, — это противостественно, противоречит самой сущности таких бригад».

Я поинтересовался: наверное, есть примеры грубости, администрирования, зажима инициатив? Мне сказали: «В обычных бригадах, в отделах там-то в этом смысле, да, найдется. А в творческих, коллективных все же держится на доброй воле».

Можно было бы привести и другие примеры этих необычных коллективов. Полная гласность всей бригадной жизни. Хотя эта жизнь вовсе не однозначна, противоречива, полна споров и борьбы мнений. Демократичность и простота во взаимоотношениях друг с другом, независимые от должностей: ведь здесь люди — соавторы, они вместе «продираются» в новое и в равной мере не защищаются ни от критики, ни от риска. Демократические принципы в принятии решений, в оценке заводских событий, чьих-то предложений, если они касаются всей бригады, в выборе путей исследования, порядка работы, в распределении ее. Даже отчеты, рассказывали мне, пишутся бригадой совместно. А тот факт, что сами бригады решают, кто сколько заработал, и определяют долю участия каждого своего члена, воспринимается как вполне естественное дело.

Творческие коллективные бригады, по сути, представляют собой один из каналов дальнейшей демократизации самого экономического механизма. Построенные на этой основе отноше-

ния между людьми являются предпосылкой и условием эффективного производства.

Труд членов творческой бригады становится в полной мере сознательным, дает им массу новой информации, новые технические идеи. Развивает интеллект, приносит духовную радость.

Научно-техническая революция диктует свои условия, требует изменений в характере трудовой деятельности. И то, что происходит в творческих коллективных бригадах рационализаторов и изобретателей — эти вестники завтрашнего дня, — со временем неизбежно охватит широкие просторы нашего производства. Каждый завод сегодня остро ощущает необходимость технических усовершенствований, нестандартных решений, серьезных перемен. И потому появляются всевозможные неформальные объединения: типы общественных КБ, технологические бюро и, в частности, творческих бригад — слобод, объединений, способные работать на уровне НИР. Заметьте, только тогда появляется творческая коллективная бригада Антонова, когда пришла нужда решить принципиально новую техническую проблему. В условиях традиционного и вроде бы отлаженного производства заводу со всем его штатным расписанием оказалось не по силам выполнить новаторскую задачу. С заданием этой справилась творческое коллективное объединение, где рядом с конструктором стал трудиться наладчик, где было не до должностей, где ценились лишь знания, специализация, творческий склад ума, настойчивость, терпение и способность работать бок о бок с другими людьми — сниться с их мнением и аргументировано от-

Фото Виктора САИКА

ставать в споре свою точку зрения.

Все эти творческие люди повзрослели на заводе не вадугу, но откуда-то извне — они из тех же производственных коллективов. Они нашли пути друг к другу, нарушая прежнее границы бригад, отделов, секторов. Они объединились.

Я думаю, творческие комплексные бригады не только имеют свою заметную лепту в деле овладения прогрессом, но и являются примером коллектива, законы внутренней жизни которых намного совершеннее, чем в обычных производственных бригадах. Они — это творческое содружество, ассоциация — показывают нам новую коллективность, ее более высокую ступень.

Учить человека к творчеству индивидуален, это известно. Но как помочь каждому, особенно молодому, рабочему акустиче редеть творческой жизни? Как приучить размышлять над работой, научить «видеть» свой цех — что в нем хорошо, что плохо, — а не только торопиться выполнить задание?

Мы говорили об этом с комсоргом завода Николаем Зайцевым. Николаю попал в уклад жизни творческой пеленской бригад, но он откровенно признался: «Они сами по себе, а комсомольская организация сама по себе. К социализму».

Как все то, что накоплено такими коллективами, их нравственные принципы, их деловые качества, их творческий опыт — как все это сделать достоянием не только тех, кто трудится в этих бригадах, но всей молодежи завода? Вот над чем думает сегодня комсорг.

Он позвонил мне с двадцатидвулетним парнемком Виктором Величкиным. «Вот, — сказал комсорг, — он уже приобщился...»

Виктор — слесарь по изготовлению и ремонту штампов. Ему повезло: он попал к Михаилу Юревичу Косаричу, человеку, который родился изобретателем и педагогом. Косарич пригласил к юванизму, а потом в лучший момент, сказал ему: «Ты, Вить, по цеху зря не скитайся. Ты думай, Вить, что можно изменить...»

— Понимаете — рассказывал мне паренек, — сам он все что-то придумывает, изменяет, а я, как котенок. Ничего не вижу! Однако тоже стал смотреть. Подожду к нему: «Михаил Юревич! Я вот тут придумал кое-что изменить в креплении пуансона...» Он по своему обыкновенно зажал спичку в зубы, склонил голову чуть набок и говорит мне: «Ну-ка, ну-ка, что за мысль брызнула тебе в голову?» А потом сам мне еще помог, кое-что подсказал. И принес анкету. «Паша, — говорит, — рашпредложение!»

Творческие комплексные бригады могут стать подлинными «университетами» для молодых рабочих, если найти удачную форму участия молодежи в их деятельности. «Может, наиболее смисленных ребят вроде Виктора Величкина включать в такие бригады!» — размышлял комсорг. — Пусть поварятся в деле, хотя, немедленно, практически толку от них будет немного. Приглядятся, поучатся, как надо работать, как к людям относиться. Как вы считаете?»

Трудно сейчас сказать, как лучше использовать то богатство, которое есть у липецкого завода и которое, конечно, есть, в больших или меньших масштабах, у других заводов, фабрик или строок. Но то, что нужно черпать пригоршнями не только экономический эффект деятельности творческих комплексных бригад, но и моральный, воспитательный, — это истина. И чем глубже и быстрее постигнут ее повсеместно, тем больше выиграет дело воспитания рабочей молодежи.

Александр МАРЬЯМОВ.

Лев ПОЛЯКОВ и Леонид ЛУБЯНИЦКИЙ [фото]

За чертой нашего знаменитости — давняя давность, сороковыми, а скорее всего, тридцатые годы. Ими датирован период его жизни через оцифрованные шпильки не подберу много слов! выход в Старый свет, где он представился уже Дюком, герцогом. И все приняли этот титул, нашли, что он ему очень и лицу, окружили его почетом и искренностью симпатий. Особенно молодые.

Сегодня, оглядываясь назад, я нахожу в памяти привычные ориентиры

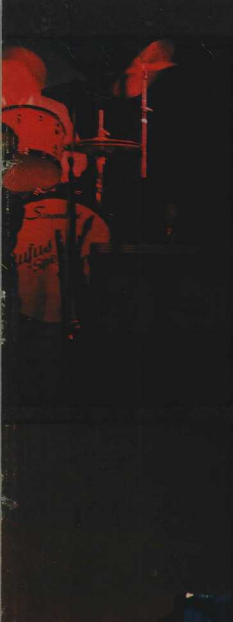
встреч с его именем — они озвучены музыкой, витаминами, ибо Дюк с завидной прилежностью обучал нас узнавать, понимать и любить нежную красоту музыки американских негров. Ощиряла нас, ах, ах.

Сегодня я вновь в который раз слушаю Эллигтона. И все впервые. И он сам сидит напротив в синем домашнем халатике, отлакивает оставший уксус чай, может быть, здесь уместнее назвать его не Дюком, а Эдвардом Коннеди, как он был наречен том далевым ноябрем, 1859 года в Вашингтоне! И гдето у порога другой ноября, семьдесят второй в его

СЛУШАЮСЯ

«В МУЗЫКЕ — ГОЛОС НАРОДА. ДВИЖЕНИЕ ЕГО ДУШИ. ДЖАЗ — МУЗЫКА АМЕРИКАНСКИХ НЕГРОВ. Я ГОРЖУСЬ, ЧТО В МОЕМ ДЖАЗЕ ИГРАЮТ ВЕЛИКИЕ НЕГРИТСКИЕ МУЗЫКАНТЫ. НАСТОЯЩИЕ ПОДЛИННЫЕ МЫ ВСЕГДА ВМЕСТЕ И МЫ СЧАСТЛИВЫ ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО ЛЮБИМ», — ГОВОРИТ О СЕБЕ И О СВОИХ ПАРТНЕРАХ ЛЮК ЭЛЛИГТОН.

жизни, катуу встречи которого теперь уже будет помечен для его месячных гастролей в Советском Союзе, одним из многих и первым. Я знаю очень мало людей, столь же одержимых музыкой и путешествиями, мечтающих играть в любом уголке мира! — это его слова. Ретроспектива его долгов жизни.

Один из крупнейших историков джаза назвал Эллинтон «музыкальным Зеркалом Америки XX века», назвавшись у истоков новой музыкальной волны, которая вытеснилась из негритянского негрланд Нового Орлеана и Нью-Йорка. Дюк Эллинтон не подался «стигматизации» танцевально-дискоидальной импровизации, бывавшей в ту пору на эстрадных подмостках и в дансингах. Он возглавил принципиально новое направление в

— Мы непохожи на других джазовых музыкантов, на другие ансамбли. Обычно они собираются на десяти недели, репетируют и едут в гастрольные туры. Мы же всегда вместе и всегда играем джаз. Пятьдесят две недели в году, без выходных, без отпусков, без манюшек. И очень счастливы, доказав, что любим. Это наиболее характерная черта оркестра, объединяющая нас — каждый занимается своим любимым делом.

В двадцать лет, начав решать проблемы эстрадного и ансамблевого джазовых произведений, Эллинтон оставил свой выбор на так называемом сингаповом составе, ведущую роль в котором играли медные инструменты — саксофоны, тромбоны, трубы. Он добился едва ли не уникального звучания этих инструмен-

вов, это вовсе не к тому, чтобы утвердить абсолютное право на исполнение джаза лишь за негритянскими музыкантами. Я — об основе, без понимания которой, без любви и которой играть джаз, да и любую национальную музыку невозможно. Ведь именно на них выросли и насчитали замечательные музыканты, как «Биг» Билл Брунзи, открывший для Америки народные негритские блюзы. Луис Армстронг, Билли Холидей, Бетси Смит, Джозеф Ролл Мартин, Чарли «Птица» Паркер... Я не верю ни в какие категории. Только в индивидуальности, благодаря которым создается и живет музыка.

В 1943 году Дюк Эллинтон написал одну из самых известных своих композиций — «Самая прекрасная африканка». Его оркестр выступал тогда

ЭЛЛИНГТОН

джазовой музыке, собрав в 1927 году свои первый «биг бэнды» — ансамбль великолюдей исполнителей, начавших играть под его руководством так называемые аранжированные песни серьезного джаза. Народная блюзовая основа произведений Эллинтонид — а он стал писать свои композиции с четырнадцати лет — во многом предопределила успех композитора, способствовала утверждению негритянского джаза, как самостоятельного и весьма значительного мира музыкальной культуры. Влияние концертного джаза Дюка Эллинтонид чувствуется в творчестве многих выдающихся американских музыкантов и композиторов. Его джазовые сюиты были в репертуаре таких дирижеров-симфонистов, как Артуро Тосканини, Леополид Стоковский, Юджин Орланди. Благодаря его музыкальному облику и блюзу приближились Динорид Гершин и Леонард Бернштейн — классики американской музыки.

Однако не стоит возвращать историю, теоретизировать о творчестве человека, сходящего напротив. «Мой дом — это там, — любит повторять Эллинтон. В течение целого месяца его домом была наша страна. И Эдвард Кеннеди — Эллинтон готов долго рассказывать о нем, говорить восторженно, говорить о красоте городов, о теплоте, с какой встречали его всюду, и улыбаться. Отраженным светом много улыбок, сопутствовавших его гастролям.

— Вы зарезали меня улыбочкой. Не знаю, уместна ли она на лице 72-летнего старика! Но я не в силах прогнать ее. Я не хочу ее прогнать.

И дальше — о джазе. Говорит уже не Эдвард Кеннеди — говорит Дюк:

тальных групп, поставил своему оркестру неподражаемый сочный голос. И вот уже в течение пятидесяти лет с успехом поддерживает чистоту его — Я горжусь тем, что в моем оркестре играют великие негритяские музыканты, настоящие продвинутки джаза. Саксофонист Гарри Карин, Паул Гонсалес, Геральд Эдди, кларнетист и саксофонист Ракел Провок, трубан Кутти Вильямс, флюгелгорнист Динони Коул, контрабасист Дюк Бенджамин. Они не просто талантливы. На индивидуальность звучания каждого из них в оркестре я ориентирую в свои аранжировки. Карин работает со мной с 1927 года, Вильямс — с 1929-го. Прок — с 1940-го, Гонсалес — с 1950-го. У нас получается порой так, что музыканты, играющего в оркестре двадцать лет, считают новичком... Конечно, конечно было бы жаль, чтобы со мной играли лишь люди с тридцатилетним стажем. Творческая молодость — понятие трудно поддающееся возрастному учету.

Помню, как во время концерта называл он из одного за другим, персонально дивясь, какие звезды имен известных джазовых музыкантов радостью очного знакомства с ними. Помню высоко есмкнутые руки экспансивного Кутти Вильямса. Стоявшего, чуть присваивающего со стула Паула Гонсалеса. Рассела Прюспа с его коротко стриженной бородкой. Застывшего в покое Гарри Карин, старшего в составе.

— У каждого народа свое искусство. В нем его голос, движение его души. Джаз — музыка американских негров. И все же джаз — искусство из детства, мне слышав на своем веку! — ничего общего с нем не имеют. Я го-

на музыкальном фестивале народов Африки в Дакаре.

— Я впервые посетил тогда Черный континент, — рассказывает он. — И был поражен многообразием ритмов и мелодий его музыки. В течение сорока лет я писал негритяским джаз и только в Дакаре понял, что называть его негритяским нельзя. Музыка моих далеких предков звучит иначе, у нее иная окраска. Мы выросли и живем в другой стране, на землях которой вступили рабы. У американских негров был, непонятная музыка. И отсюда же, во всем мире, я джазе, в блюзах. Так, по моему, следует понимать и музыку, которую исполняет мой оркестр.

В творческой биографии Дюка Эллинтонид более двух тысяч композиций, сотни из них среди которых занимают крупные джазовые произведения — форма, где его опыт же следует считать первоисточником. Все сочиня Эллинтонид посвящены американским неграм, его народу.

Он никогда не прекращает работать, никогда не устает от музыки. Его эстетические вкусы находят по миру вместе с ним, и влившая его всегда открыты.

— Конечно, моя жена не очень довольна тем, что я ндолго ее покидаю — улыбается Эллинтон. — Она справедливо считает, что мне нельзя любить и вместе. Но музыка не даст мне остановиться...

Музыка анимкулирует его молодость. В нем смысл его жизни, постоянного горения страстей. Чистота и прозрачность звучания его жизни — Дюк Эллинтонид. Последний из великих джаза. И первый...

НОВАЯ ОБЗОРЕНИЕ

1. ФРАКМЕЦ ИЗ ПЛЕМЕНИ МЕДОВ
2. ДОН-КИХОТ НЬЮ-ИОРКСКОЙ ПОЛИЦИИ
3. ОБВИНЯЕМЫЕ ОБВИНЯЮТ
4. МАРКИ ВМЕСТО КРАСОК
5. КЛУБ ВЫСОКИХ ЛЮДЕЙ
6. ОКНО В МИР КИНОИСКУССТВА
7. ОПАСНА ЛИ САУНА!
8. ЛЕКЦИЯ УИЛЬЯМА ГАРВЕЯ
9. СУДЬБА СКРИПИКИ ПАГАНИНИ
10. ДРЕССИРОВКА ТЕРРОРИСТОВ
11. ГАНГСТЕРЫ-ФИЛАНТРОПЫ
12. ЮМОР ПО-ГОЛЛАНДСКИ
13. РАДИОАКТИВНАЯ МАФИЯ

Материалы порекомендуются с сокращениями или в иллюстрированном виде.

1. В течение двух тысячелетий имя Спартака, жонглера и мученика неслыханной жестокости рабов в Древнем Риме, является символом мужества, неизвестности, стремления и свободы. О правде считается родины Гомера сподвижник, но не известно, кем государь. А какая земля была родной Спартаку?

История этого вопроса не нова. Но лишь недавно сообщение «О происхождении Спартака» опубликовало немецкому ученому Конраду Цитлеру в журнале «Гермес» было воспринято всеми специалистами по античности как беспорочный истинный.

Профессор К. Цитлер знавал прочитав биографию Луки, написанную древнеримским историком Плинием. Но Цитлер повторил в то же время текст Плутарха в том же месте, где Цитлер упоминает о рождении раба, читая так: «Первым был Спартак — француз из коммунского рода, племя... Текст поражаешь своей неясностью, ибо франки не племя, а Балканском полуострове частично, но были немцами (индоевропейцами) за 600—700 лет до рождения Спартака. Профессор Цитлер первым из специалистов прочел в тексте Плутарха не «немцами», а «медунцами» что следовательно, что Спартак — француз из племени медов.

Итак, древний болгарский городок Санданский, расположенный на земле древней Франции (по-болгарски — Франция) и является родной легендарной Спартака.

Через несколько лет человечество отметит 2050-ю годовщину со дня его гибели. Каждый год до этого события жители города Санданский будут проводить соревнования в честь великого бойца — «Игры Спартака».

«ОГНИ БОЛГАРИИ»

2.

Трое нью-йоркских полицейские поступали в дверь квартиры, где проживала известная торговка наркотиками. Изнутри выстрел из револьвера крупного калибра. Был тяжело ранен один из детективов — Фрэнк Серинко. Двое других и павшим не спешили, чтобы помочь раненому. А когда во время пятидневного пребывания в больнице, Фрэнк Серинко получил немало анонимных писем с угрозами, и в частности такоско: «Жаль, что тебе не вышибли мозги, ублюдок!» У Серинко не было сомнений, что почти все эти послания написаны академиками, носителями формулы нью-йоркской полиции. Дело в том, что она бежала вперед на средн 32 тысяч долларов.

«Когда я был маленьким, политический мне казался символом честности и справедливости. В жизни же все выглядит наоборот...» — говорил Серинко. Когда пять лет назад он вступил в группу по борьбе с азартными играми в нью-йоркском районе Брукс, он в первый же день попался и продался одним из задержанных. Серинко отверг זאת, его коллеги не приняли. Серинко доказал об этом случае начальству и в суде не имел удачи, что эти карты в порядке вещей и что благодаря им каждый рядовой полицейский получает ежемесячно до 800 долларов, а офицер — 1 200.

Вскоре праволюбивые предупредили, что если он не прекратит свои сигналы, то «в один прекрасный день его могут задушить в водоеме Ист-Ривер». Серинко не сдался, собрал обвинительные материалы против двадцати полицейских-визитеров и дал им много интервью газетам. Уверенно полиция пришлось создать специальную комиссию, которая установила, что более 60 процентов гангстеров, которые похищают и убивают, это шифра достигают 99—100!

И тем не менее иррактических

результатов эти выводы комиссии не принесли. «Луизианские бойцы быть честными в системе, которая настолько продвинута — дисциплинарно-статически заявил Фрэнк Серинко, решивший оставить службу».

«МАЛЫИ СВЕТ», ЧЕХОСЛОВАКИИ

3.

Нет нужды описывать тревогу семилетней Ирины Мендо, когда она получила официальное подтверждение от Франца относительно того, что 35-летний преподаватель математики Иван-Пьер Дебри и его 23-летний коллега Андра Менра подверглись избиению в сапюнской полиции в два дня содержания в том под стражи арестом.

Оба молодых французы были в свое время посланы в качестве преподавателей в Южную Вьетнам и должны были работать в одном из средних учебных заведений. Но в действительности потянула их до глубины души. «Он не сворил остаться — несчастным», — вспоминает Дебри. — Андра и Иван-Пьер увидели истинную картину жизни Южного Вьетнама: беззащитность, нищету, коррупцию, милитаризм.

Иван-Пьер Дебри принимал экзамены в Сайгоне и там писал об этом своем родителем. «Экзамены стали настоящим скандалом. От нас требовали не только особенно строгими и юмором из «коррозии сердца», дабы оскорбить их от военной службы (это занятие здесь предпочитают предоставлять детям из крестьянских семей). Каждый день мне приходили хитроулыбавшиеся высокопоставленные особы, каждый день мне предлагались взятки».

Поняв, что «единственным полнотой народным движением является Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама» (слово Иван-Пьер Дебри на судебном процессе), два молодых учителя переехали в центре Сайгона знания НЮИОВ.

За эту иницию они были приговорены соответственно к трем и четырем годам тюрьмы, оказавшись среди четырех тысяч других политических заключенных, томившихся в сапюнской тюрьме.

«Истинными обвиняемыми являются сапюнская власть! — мнение Юлиана на процессе Иван-Пьер Дебри. — Мы же свидетели обвинения из откопанных журналистичеких репортажей не пострадали извинения».

«ИФЮИШАТИ-МАГАЗИН», ВЕНГРИЯ

4.

Хенрик Завадский из польского города Торунь известен у себя в стране оригинальными художественными произведениями: портретами, пейзажами, натюрморты, которые склеены из тщательного подборки почтовых марок. Самая новая работа Х. Завадского — портрет Николая Лоптева — посвящена 500-летию со дня рождения великого польского астронома, даты, которая торжественно будет отмечена во всем мире через полтора года.

«ИБИ», ГДР

5.

Пятсот выантов из разных стран мира съехались в Монре (Швейцария) на очередной конгресс Клуба высоких людей. В этот клуб приглашаются мужчины роста выше 190 сантиметров и женщины не ниже 180 сантиметров.

Делегаты конгресса в Монре представляли главные образцы экономическими проблемами; на протяжении дня стоил вопрос о переговорах с владельцами фабрик, вытесняющих одежду и обувь; обогатившись и в конце высказались по толкам в современных картинах.

«ТИП», ШВЕЙЦАРИЯ

6.

Уже три года маленькую парламентскую республику Андорра посещают тысячи испанцев с единственной целью: поехать в центральный кинотеатр андоррской столицы, где еженедельно демонстрируется около 40 художественных классиков, запрещенных во франксистской Испании. Это навалю кинорежиссера Хуана Франсиско Торреса на мысль проводить в Андорре постоянный фестиваль зарубежной картины, которые не допускаются цензурой на испанский киноэкран.

И вот теперь каждую неделю не менее 50 тысяч зрителей Барселона, Сарагоса и других городов Испании едут на автомобилях, автобусах и даже автобусом в Андорру, дабы посмотреть на произведениями классиков советского киноискусства Эйзенштейна и Пудовкина, увидеть фильмы Сергея Бондарчука и Григория Чухра, а также чехословацкие, польские, венгерские картины. Прекратит это паомничество испанские власти не в силах.

«ДИ ТАТ», ФРГ

7.

Что бы мы подумать, что этот вопрос: опасна ли сауна? — будет впервые поставлен именно в Финляндии. Там не менее исследования по этому поводу ведутся в Хельсинском университете под руководством профессора Г. Тойр-

По его мнению, сауна, эта священная для всех финнов традиция, является источником многих зол: частота сердечных заболева-

ний в Финляндии самая высокая в Европе, финны болеют раком легких в два раза чаще, чем шведы, и в пять-шесть раз чаще — норвежцы, хотя и не являются заядлыми курящими. Исследователи предполагают, что причина повышенной заболеваемости раком легких. Опыт профессора Теера пролился на крысах. Режим сауны вызвал у них злокачественные опухоли в легких.

Г. Теер считает, что известную защиту от этой болезни представляет хорошая вентиляция банного помещения, температура, не превышающая 90 градусов (высшение 100—120 градусов в саунах профессор считает чересчур безумием), отказ от разных передаточных саун, то есть от прыжков из сауны в ледяную воду озер, а также поддержание надлежащей влажности воздуха в сауне.

«СВЕТ», ЮГОСЛАВИЯ

8.

Преподаватель был очень расстроен: во время его лекции по элементарной биологии студента в университете Беркли явно скуждали, даже не подавая звуков. Профессор Ричард Ирвин понял, что его лекция, посвященная биологической структуре оплодотворения, не представляла интереса для современных студентов...

И профессор пустился во все тяжкие. Он цитировал анекдоты, шутки, особенно речи герцога Уильяма Гервея, который в XVII веке провез через исследование системы кровообращения. Когда подошло время читать лекцию о Гервее, Ричард Ирвин зарылся в пух под него, достал соответствующий костюм и в таком виде явился в аудиторию.

Студенты онемели. Полтора часа аудитории слушали лекцию, будто зашифрованную, а зрители проходили профессора аллюр-аллюр.

Впоследствии он успешно преобразился в другие исторические личности, и лекция его неизменно собирала большую и энтузиастическую аудиторию...

«ЛАЙФ», США

Николао Паганини. Она звучит вперевод победителем международного конкурса, носящего имя великого итальянского скрипача и композитора. Паганини получал почетное право играть на этом инструменте в течение всего концерта.

Тут же и начинаются неприятности. Проводя свое естественное волнение, скрипач берет первые ноты, но инстинктивно свистает не очень послушным, зную его познание о музыке.

Эта скрипка, созданная знаменитым мастером, в свое время стала легендой. Но лишь немногие знают, что инструмент обречен на гибель. Скрипка Паганини завлекла недавно игравший на ней Сальваторе Аккурсио в институт. Обладаящий позитиве неисчерпаемых возможностей. Однако она обигает, потому что никто не играет на ней... Ему вторит скрипачный мастер Порцио Белфонато, который дважды в год «декает» продиагностированный ослер инструмент: «Для того, чтобы избежать повреждения, необходимо продохнуть в нее мизин, необходимо играть на ней, а не дарить ее под стеганным моланом». Это мнение разделяют и другие специалисты.

Скрипка Николао Паганини окружена средлою загадочностью. Рассказывали, что великий музыкант получил ее в подарок при весьма необычных обстоятельствах. Во концертную в Ливорно, Паганини испытывал столь серьезные материальные затруднения, что вынужден был продать все, даже свой инструмент. Пришлось одолжить скрипку у местного анципера. На следующий день тот сназал Паганини: «Усть скрипка останется у вас, если заслужите честь играть на ней!»

Такова лишь одна из многочисленных легенд. Сам Паганини в письме от 8 апреля 1838 года сообщает, что подарил скрипку в подарок от своего почитателя генерала Пени.

Так или иначе, но через двадцать лет после смерти гениального музыканта скрипка была передана «на вечное хранение» генуэзским властям. Они со скрипом бумально истосновали завещание скрипки, но в итоге пришли к почетное бездействию. Выход из сложнейшего пьального положения, по мнению Паганини, могли бы соответствующие преобразования только в мир гениальности или великую славету Николао Паганини попередию современности. Только их искусство может вернуть к жизни прекрасный инструмент Гварини и Паганини.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

Весьма своеобразен этот молодежный лагерь, который именуется «Кэмп Джендел» и который расположен у подножия горы Катскинл, недалеко от Нью-Йорка. Сюда с трудом могут проникнуть посторонние, в особенности фотографы. Лагерь окружен металлической оградой, над ним висит сорок шестиметровая сторожевая башня, и охраняется он 24 часа в сутки.

Минувшим летом здесь было собрано тридцать тысяч семидесять девушек в возрасте от 13 до 19 лет. Их привезли в лагерь из еврейского гетто Нью-Йорка, одели в форму американской армии. Кап бело-голубой эмблемой «Лиги защиты евреев», которая задана печально известным Мейром Кахэне. В этом лагере молодежь обучалась воевать.

«Враг» определен тем же Мейром Кахэне. Это все те, кто разделяет зоологической ненависти к Советскому Союзу. Сам Кахэне уже доказал ее, когда руководил погромщиками, нападавшими на советские представительства в США.

Репортерок для в «Кэмп Джендел» таков: 6.00 — подъем, 6.15—7.30 — занятия карате. После завтрака — стрельба из винтовки и из автомата. Затем — час изучения истории в сионистском духе. После обеда — еще два часа

карате. Вечером церемония у флага (большого — израильского, маленького — американского с о г о). Цель этой программы, по словам директора лагера Эли Шварца, подготовить нашу молодежь к ведению партизанской войны в городских условиях. В соответствии с этим подготовкой будущих террористов занимаются американские наставники, в основном свои воспитанники не только против социалистических стран, но и против прогрессивных организаций в самой Америке.

«ЮМАНТИ-ДИНАМИ», ФРАНЦИЯ

12.

В Голландии, если позвонит по номеру 211-811, можно услышать остроумный анекдот, причем каждый раз — новый. В случае, если юмор не добьет до абонента, в трубку после окончания анекдота в течение десяти секунд звучит треск хохота. Эта служба пользуется настолько большой популярностью, что дирекция телефонной сети намеревается угроить количество линий.

«ПАНЧ», АНГИИЯ

11.

Политические партии из осмарно известных жудебностей газетер стали в капиталистическом мире делом обычным. Мошечки крадут полотно, которые стоят миллионом, а потом продают их богачам-шпионам.

Но иногда среди воров встречаются некая фантастическая разновидность. Вот два таких случая.

«...Некотоое время тому назад из лондонской Национальной газеты исцела картина Гоби «Портрет принца Вальтинтона». Через два дня в лондонских газетах появилось следующее анонимное объявление: «Картина «Портрет принца Вальтинтона» в целости и сохранности. Она будет возвращена музею, если правительство Англии внесет в фонд Бейтис 100 тысяч фунтов стерлингов».

Английское правительство не пожертвовало в этот фонд ни одного пенни. А через четыре года политический журналист приехал в редакцию газеты «Дейли миррор» ключ от шкафа, в котором хранили французского оловянка. Там и находилась картина Гоби.

«...Из дома одного токийского богача исчезла картина великого французского художника Ренцара. Вор оставил записку: «С удовольствием верну вам картину, если вы подарите ее музею, чтобы Ренцаро могла видеть ее». Японский миллионер оказался более соворчливым, чем британское правительство, и тут же объявил в газете, что согласен. На следующий день женский полос сообщил ему по телефону, что он должен выйти из дома и открыть дверь жидки, оставившейся у подножья. Пыталом уловившая картина действительно лежала на сиденье в автомобиле.

«КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ», БОЛГАРИЯ

13.

Плутоний, этот радиоактивный химический элемент с атомным номером 94, ценится на мировом рынке в десять раз дороже золота. Пяти килограммов плутония достаточно для производства атомной бомбы, которая подобна той, что была сброшена в 1945 году на японский город Нагасаки. Добывать также, что технология производства атомной бомбы описана в целом ряде научно-популярных изданий.

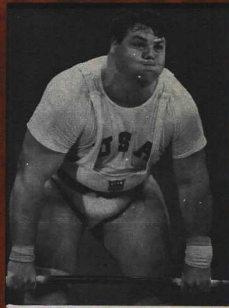
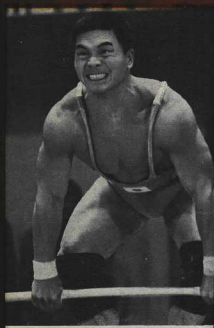
Вот почему среди персонала, обслуживающего атомный реактор «СЕФОР» в штате Арканзас, поднялась такая паника, когда на складе обнаружился провал нескольких килограммов плутония. Проверка установила, что на урановых хранилищах в штате Нью-Йорк за шесть лет занавис атомного сырья столько же, сколько в Великобритании. Вое это наведло на мысль, что могущественный гангстерский мир — мафия — решил идти в ногу со временем и заняться атомным бизнесом. Это тем более вероятно, что система хранения радиоактивного сырья в США и Англии такова, что тайному агенту гангстерского клана не составляет никакого труда красть ежедневно по двадцать граммов плутония. Через месяц же злоумышленник будет обладать количеством сырья, достаточным для производства одной атомной бомбы.

Пока еще нет оснований утверждать, что гангстерский концерн вознамерился расправиться с соперниками в мире атомного оружия собственного производства. Однако весьма вероятно, что уже возникла и функционирует чужая биржа, на которой торгуют атомом сырьем.

«САНЕКС», США

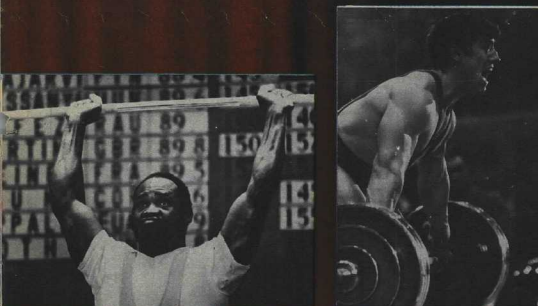
9.

Каждый год в одном из концертных залов Генуи проводится традиционный ритуал — присутствующим нотариус и представители муниципалитета из строящего футура осторожно извлекается скрипка

СИЛЬНЫЕ МУЖЧИНЫ

Аркадий ВОРОБЬЕВ,
заслуженный мастер спорта,
доктор медицинских наук.

Лев БОРОДУЛИН,
Олег НЕЕЛОВ,
Владимир ЧЕЙВИЛИ
(фото)

РА СЕГО

В сборную страны я входил больше десяти лет подряд. Перед моими глазами прошла целая череда тренеров: «дядя Саша» Бухаров, Н. Штов, Я. Куценко, Е. Лопатин, Н. Лукин, А. Божко, С. Богдасаров, А. Чужин. Я надеялся когда-нибудь стать тренером и поэтому внимательно приглядывался к наставникам, своим и чужим. Десять лет — немалый срок. В конце концов мне стало казаться, что в этом деле для меня секретов нет. Увы, блаженное самодовольство длилось только до тех пор, пока я сам не сунул голову в тренерский хомут.

По численности сборная не превышает обычный школьный класс. Но, Боже, как разношерстен, честолюбив, обидчив, взрывчат, метилечен, ни на что не похож этот железный класс! Пытаюсь ответить на вопрос, за какие рычаги надо тянуть, чтобы держать сборную в руках, и не раз мысленно возвращался в первые послесоветские годы.

Минуть еще долго оставалась тяжелой, как железо. Кусочки хлеба, такой тонкий, что не го легко пробивался свет, стоял на рынке десять рублей, становились пиццей — пятьдесят.

Сборная была по-содатски самоотверженной и по-солдатски простой. Я не упрямлю — мыщичек спортсменов. Такое тогда было время. Поэтому танины были и вы. Изменилось время. И люди изменились вместе с ним.

После войны советская тяжелая атлетика поднималась, как поднимаются из руин города. Многие богатыри, нрав и гордость наши, не вернулись с фронтов. Пали смертью храбрых Вл. Крылов и П. Петров, В. Чудасский и И. Бенин, Г. Гегелин и А. Регинин... На посту номер один — у Мавзолея Ленина — пришел смерть от вражеской бомбы чемпион ВЦСПС В. Гасаненко.

Как тяжело давалась тогда каждая победа! Сейчас к прежним рекордам прибавлены силы, но не так-то легко прибавить что-нибудь к силе духа, стойкости и доблести силачей тех лет.

«Меня военкомат послал в танковое училище, — вспоминает мой друг и тренер, многократный чемпион страны в тяжелом весе Яков Григорьевич Куценко. — В холодных, мокрых сараях Кунгура мы изучали бововую технику. А спорт? Только один раз я вспомнил, что я спортсмен, когда старшина сказал: «Табак для поджаривания сил приказано давать две порции супа».

Потом на Тагильском заводе мы ремонтировали танки. Работали по 20 часов в сутки. Достойны ли мы были хоть чем-нибудь тех, кто на фронте? А 12 декабря 1944 года в Киеве в холодном, незастекленном Дворце спорта состоялся спортивный вечер. Не знаю, из каких сил (их просто не было!) я толкаю 171 килограмм! Мировой рекорд!

Это были самые дорогие для меня килограммы и самая большая победа за всю мою жизнь». Сейчас Яков Григорьевич Куценко тяжело болен. Болезнь приковала его к постели. 171 килограмм нынче пустак даже для среднего веса. А рекордсмен мира в тяжелом весе Василий Алексеев толкает на 50 с гаком килограммов больше. Но если эти строчки попадутся Якову Григорьевичу на глаза, пусть он знает: на весах сердца, на весах памяти военные, голодные 171 килограмм по-прежнему сохраняют свою бововую славу. Мы не забываем об этом. Помните и вы. И гордитесь.

ТЫ НАКЛОНЯЕШЬСЯ НАД СПАРЯДОМ, ПРОВРАЧИВАЕШЬ ГРНОФ, ЗАПИРАЕШЬ ДЫХАНИЕ... ТИШИННА, И В НЕЙ НАРАСТАЮЩИЙ, ТРЕВОЖНЫЙ СТРЕКОТ КИНОКАМЕР. ТРИ, ДВА, ОДИН...

В 1950 году на первенство мира в Париже по рыву прыжки не смог приехать наш «мушкетер» Иван Удодов. Это огорчало. Тренеры ходили мрачнее тучи. И полным составом потребовалось бы «жить и предосторожная потеря». Короче говоря, пришлось провадывать срочную перегуперупировку сил: против нашего полугулетоваса Рафаэля Чинишнина экстренно согнать больше пяти килограммов и перебить в легчайший вес.

Для несведущих скажу: когда на теле ни жиринки, а последний раз ты пил воду два дня назад, согнать пять килограммов все равно, что босиком пересечь пустыню Сахару. Но Чинишнин не отказался. За сутки до старта он отстранился в парную, просидев там несколько часов и, извернувшись, надышался дымящим ветром. Но до нормы (если это можно так назвать) вес не согнал. Негоже было ему стоять. Глаза у Рафаэля запали и лосорочно блестящие. Губы обветрились. Кожа отстнула силу.

Мы сидели с ним в одном номере. Однажды ночью меня разбудил какой-то странный шум. Я открыл глаза и вижу: Рафаэль поднимается с постели, поворачивает перекосившую комнату и останавливается у стола. Шарики по шарику. Что он там ищет? Потом забулькала вода, задрал голову и не отрывая глаз, Рафаэль прямо из графина лил воду себе в рот. Я бросился к нему.

— Стой! Что ты делаешь?! — закричал я, торжествуя за него. — Тебе через несколько часов авешиваться...

Он вздрогнул. Отырнул глаза. Пальцы его размялись, графин выпал из них и ударившись об пол, разлетелся на мелкие кусочки. Рафаэль молча стоял и смотрел на меня. Постепенно взгляд его стал осмысленным.

— Полночи мучился. Где-то шумит вода, а я слышаю и не могу уснуть. Наконец задремал. Вмиг — воркует лес, ведаемые журчат ручьи. Прозрачный, холодный... А мне хочется до смерти пить. Пошел и имену. Став пить. Если б ты не иркнула, ни за что бы не перестал.

Он с сожалением посмотрел на воду, расплескавшуюся по полу, и пошел назад в постель. Наутро Рафаэль все еще весил на полтора килограмма больше, чем утром. А времени до авешивания оставалось в обрез. Тренеры нервничали. Смотрели на часы. А Рафаэль, красивый, словно раскрасавленный металл, в облегающем тунике ланной освобождался от «лишнего» веса. За несколько минут до конца авешивания Чинишнин появился в судейской комнате. Вернее сказать, его привели в судейскую комнату. Вернее сказать, его привели в судейскую комнату. Вернее сказать, его привели в судейскую комнату.

Чинишнин вздохнул и сделал шаг в сторону. Губы его потрескались и кровоточили. Под глазами запали темные тени. Руки бесцельно болтались. Кто-то из нас сулил ему в руки бутылочку воды. В благоговейной молчаливой той товарищ выглядел вадельными губами.

Не Чинишнин, а мой Чинишнин вышел в тот день на помост. Но в нем жил неуверительный дух бойца. Рафаэль отчаянно сражался с ирландцем Нандью, проиграл ему, но, право, чистым золотом отнял его серебряную медаль.

Про Чинишнина я рассказал не потому, что он как-то выделался из команды. Все же нет. Просто легче рассказывать о том, что видел собственными глазами. Но доведется Саксонову, Дуганову, Новому, Удодову, Лопатину, Светило, Пушкореву и другим моим товарищам по сборной учиться на месте Чинишнина, они, не сомневаюсь, также не жалели бы себя. Поручкой тому же безупречные военные биографы.

Сегодняшние силачи что-то потеряли, что-то приобрели. Нет, они не хуже. Они другие. А какие были мы!

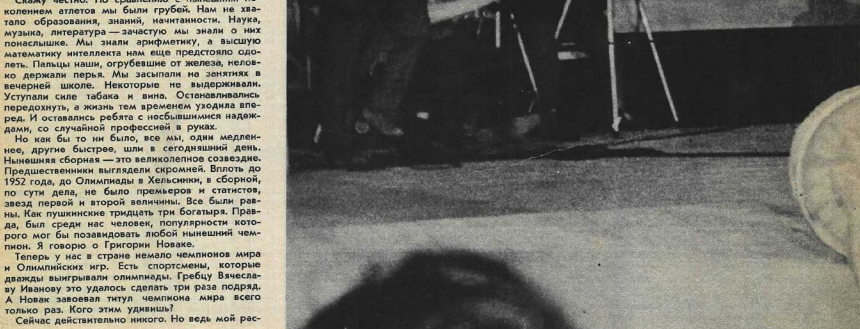
Гимнастерки мы быстро поменяли на шатские пиджаны, но еще долго не могли перестроить свои души на гражданский лад. Многое нам не нравилось, многого мы не одобряли, но поступали, как солдаты, которые выполняют приказ не потому, что испытывают от этого большое удовольствие, а потому, что так надо, потому, что другого пути нет.

Скажу честно. По сравнению с нынешним поколением атлетов мы были грубы. Нам не хватало образования, знаний, интеллигентности. Наука, музыка, литература — зачастую мы знали о них понаслышке. Мы знали арифметику, а высшую математику интеллект нам еще предстояло одолеть. Пальцы наши, грубевшие от железа, нелегко держали перья. Мы заспали на занятиях в вечерней школе. Некоторые не выдерживали. Уступали силе табака и вина. Остенывались передохнуть, а жизнь тем временем уходила вперед. И оставались ребята с несбывшимися надеждами, со случайной профессией в руках.

Но как бы то ни было, все мы, одни медленнее, другие быстрее, шли в сегодняшний день. Нынешняя сборная — это великолеловое создание. Предшественники выглядели скромнее. Вплоть до 1952 года, до Олимпиады в Хельсинки, в сборной, по сути дела, не было премьеров и статистов, звезд первой и второй величины. Все были равны. Как пушкинские тридцать три богатыря. Правда, был среди нас человек, популярность которого мог бы позавидовать любой нынешний чемпион. Я говорю о Григории Новике.

Теперь у нас в стране немало чемпионов мира и Олимпийских игр. Есть спортсмены, которые дважды выигрывали олимпиады. Гребцу Вячеславу Иванову это удалось сделать три раза подряд. А Новик завоевал титул чемпиона мира всего только раз. Кого этим удивить?

Сейчас действительно никого. Но ведь мой рас-

ТЯЖЕЛОАТЛЕТ ЗНАЕТ, ЧТО СПОРТ НЕ ОВЛАДИТСЯ БЕЗ НЕУДАЧ, НО КОГДА ТРОМ ГРЯНЕТ, КОГДА СРЫВ ПРОИЗОЙДЕТ, ГОРЕ, КАЖДЫЙ РАЗ НЕЗНАКОМОЕ И НОВОЕ, ТЯЖКО РЕШИТСЯ ЕМУ НА ПЕЧИВ, ТУТ ТОЛЬКО ДЕРЖИТЬСЯ, НЕ ДАЯ ОТЧАЯННО СЕБЯ ПОБЕДИТЬ, ТЕРПИ И МУЖАВ-СЯ...

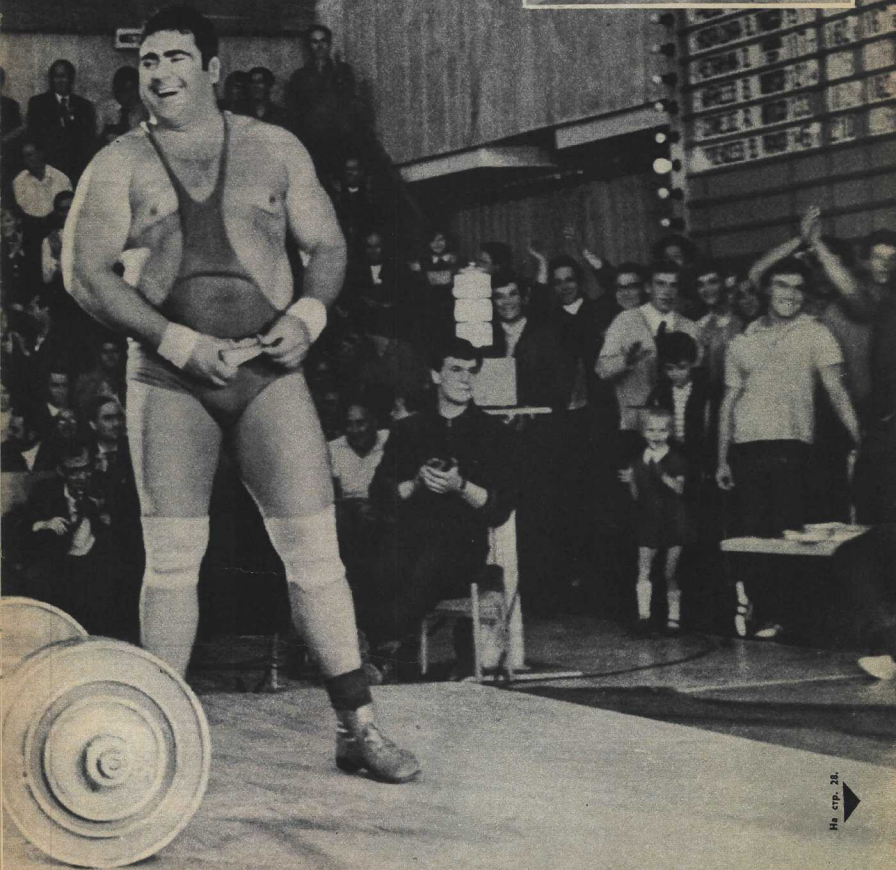
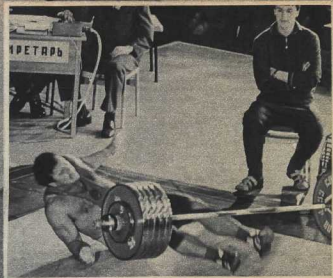

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Э

ни шаг тремя веревками, и каждая веревка тянула канат — совсем как волжские бурлаки в старину, решил Максвелл, вспоминая картину, которую ему как-то довелось увидеть. Тролли выбрались на подъемный мост, и Максвелл увидел, что все три каната привязаны к большому обтесанному камню — тролли волочили его за собой, и он, подпрыгивая на мосту, глухо гремел.

Старый Дуббин дико ржал и бегал по кругу с внутренней стороны забора, вскидывая задом.

Из ворот замка вылезли целая кучка гоблинов, которые размакивали дубинками, мотыгами, вилами — короточе говоря, всем, что подвернулось им под руку.

Максвелл постепенно сошел с тропы, пропуская троллей. Они бежали молча, решительно, всем весом налегая на канаты, а за ними, испуская пронзительные, воинственные канки, мчалась орда гоблинов. Вперед, глужко перемалываясь, несли мистер О'Туа. Лицо и шея у него посинели от гнева, а в руке была заложта скалка.

В том месте, где находились Максвелл, тропа круто уходила вниз по известному склону к лужайке фей. Камель, который мохлялся троллей, самым спуском ударился о выступ скалы и подпрыгнул высоко в воздух. Канаты провисли, и камель, еще раз подпрыгнув, стремительно покотился по склону.

Какой-то троль оглянулся и отчаянно завсигл, предупреждая остальных. Бросил канаты, тролли кинулись враспашую. Камель, набирая скорость с каждым оборотом, промчался мимо, обрушился на лужайку, опять подскочил, оставив огромную ямтину, и скользнул по траве к деревьям. Поодрек бального зала фей протанулась безобразная полоса вывороченного дерева, а камель ударился о ствол могучего дуба в дальнем конце лужайки и наконец остановился.

Гоблины, олушительно крича, кинулись в лес за разбежавшимися похитителями камня. Преследуемые воплями от страха, преследователи — от ярости, по хому раскатывались зло и треск кутов, ломаящихся под тяжестью множества тел.

Пыхтя и отдуваясь, на тропу вышла мистер О'Туа и начал взбираться по склону. Скалуу он лес на плече. Лицо у него все еще отпекало стеной, но уже не от бешенства, а от усталости. Он свернул с тропы к пастбищу, и Максвелл последил ему навстречу.

— Прислушай глубочайшее извинения, — произнес мистер О'Туа голосом настолько величественным, насколько позволяла одышка. — Я заметил вас и обрадован вашему появлению, но меня отпугило весьма важное и весьма настоятельное дело. Вы и подозреваю, присутствовали при этой гнуснейшей подлости!

Максвелл кивнул.

— Они забрали мой сажальный камень — теперь обявля мистер О'Туа — со злобным и исперным намерением обречь меня на немое хождение.

— Пешее! — переспросил Максвелл.

— Вы, как я вижу, лишь слабо постигаете смысла случившегося. Мой сажальный камень, на который я должен возбраться, чтобы сесть на спину Дуббину. Без сажального камня верховой езде приходит конец, и я обречен ходить пешком с большими страданиями и одышкой.

— Ах, вот что! — сказал Максвелл. — Как вы совершенно справедливо заметили, сперва я не постиг смысла случившегося.

— Эти подлые тролли! — мистер О'Туа в ярости засмеялся зубами. — Ни черта чем не останавляются, негодни! Сначала сажальный камень, а потом и замок — кусочек за кусочком, камушек за камушком, пока не останется ничего, кроме голых скалы, на которой он некогда высился. При

подобных обстоятельствах необходимо со стремительностью решимостью подвигать их намерения уже в зародке.

Максвела посмотрел вниз.

— И как же это кончилось? — спросил он.

— Мы обратили их в пантесное бегство, — удовлетворительно сказала гобани. — Они разбегались, как пшавты. Мы вытаскивали их из-под скал и из тайников в чаще, а потом вынуждали, тоном мило, на которых они разительно похожи, и они, потугнувшись хоршенько, втащат сажаляный камень туда, откуда его забрали.

— Они сходят с вами счита за то, что вы слыли их мост.

Мистер О'Туа в раздражении откодал ликхе колдене.

— Вы ошибаетесь! — вскричала она. — Из великого и незадуляющего сострадания мы не стали его срыгать. Обошлись двумя камушками, двумя крохотными камушками и большим шумом. И тогда они сняли чары с помоя, а также и со сажакого октябрьского зая, и мы, будучи простые души, приверженные к доброте и незаболости, спустили им все остальное.

— Они сидят чары с зая? Но ведь некоторые химические изменения незыблемы и.

Мистер О'Туа смерил Максвелла презрительным взглядом.

— Вы — сказали он — лепешете на ученых жаргон, прилагая только два чужезн и заблуждений. Мне непостижимо ваше пристрастие к этой вышней науке, тогда как вы открылись бы матия, будучи у вас скота учиться и попорси вы нас. Хотя досаж предать, что расколовашный зая не безупречен. В его вкусе ощущается намек на отзаче. Впрочем, и такой зая все же лучше, чем ничего. Если вы согласны составить мне компанию, мы могли бы его испробовать.

— За весь день — отпустил Максвелл, — мне не было сказано ничего приятнее! — Так удались же — воскликнула мистер О'Туа, — под свею сподов, где гуляют сквокины — и все по нашей милости, по милости смелых эдидшек, которые воображают, будто мы обождем развалены. Так удались же туа и уступились большим кружкам певного ванитка.

В большом замке замка, где отчаянно дула, мистер О'Туа вытаскива этуку огромные бочки, пополнились на больших козлах, напихана до краев большие кружки и отнес их на дощатый стол возле большого каменного очага, в котором еле теплилась дамное пламя.

— А главное козунство в том, — произнес мистер О'Туа, поднося кружку к губам, — что это возмутительное похищение сажаляного камня было совершенно как раз тогда, когда мы присутствуи к поминованиям.

— К поминованиям? — переспросил Максвелл. — Мне очень грустно это слышать. И вы зная.

— Нет-нет, никто из наших! — поспешно сказала О'Туа. — За возможным исключением меня самого, все племя гобаниов пребывает в списке прекранных заразы. Мы поминали бышши.

— Но ведь бышши не умер! — возразил Максвелл. — Но он умирает. И как это печально! Опи! последний представитель великого и благодарного племена в этом заподельном, а тех, кто еще сохранился в других уголках мира, можно пересчитать по пальцам на одной руке, и палецна более чем хватит.

Гобани подала кружку и, почти заснувши в нее физиономию, принялся пить долго и с наслаждением. Когда он поставил кружку на стол, оказалось, что на его бакенбарды налился пен, но он не стал ее вытирать.

— Мы вымираем весьма скучито, — сказала он, потугнувшись. — Пшавта изменилась. Все мы, весь мир, все и в нас, и то, кто не так уж маа, спускаемся в долину, где тени густы и непроходимы, мы уходим от всего живого, и нам настает конец. И सदотреться, — так это горько, ибо мы быши

доблестным племенем, несмотря на многие наши недостатки. Даже тролли, пока они не выродились, все еще сохранились в целости некоторые: салбы добродетель, хотя я и забываю грамотство, что ныне никакая добродетель не по свойственна всею. Ибо кража сажаляного камня — это самая немкая подлость, ясно показывая, что они лишены какого бы то ни было благородства духа.

Он вновь поднес кружку к губам и осушил ее до два дрызига-трех больших глотками.

— Разве можно пить эа так, как пьете его вы? — сказал Максвелл. — Его следует хоршенько распробовать и посмаковать.

Мистер О'Туа покачал головой.

— Наверное, я жаждна пшавны. Но это же расколовашный зая, и смаковать его не стоит.

Тем же меще он встал и вперевалку направились к бочке. Максвелл поднес кружку к губам и отхлебнул. О'Туа сказала правду — за чистоту вкуса затхлостя, отдававшая привкусом плесневых лишств.

— Ну! — спросила гобани.

— Его вкус необычен, но пить его можно.

— Придет день, и мост этих троллей я крою до основания, — внезапно возкрился мистер О'Туа. — Разбери камой за камой, соорбачи мост самым тщательным образом, чтобы разрушить кары, а потом молотом раздроблю камы на мельчайшие кусочки, а кусочки подышу на самый вышний утес и разброшу их валь и ширь, дабы за все нечестие не удалось бы их собрать. Вот тогда, — добавила он, пошурившись, — какой это будет тяжкий труд! Но соблазн велик. Этот зая был самым бархотным, самым сладким, какой только удавалось нам сварить. А теперь только изгаشته — сваное пошло! Да и свины мы избранные! Но был бы великий грех выпить, даже такие мерские помоя, если им наименование свана.

Он схватил кружку и рывком поднес ее к губам. Его кадык запырив, а он поставил кружку, только когда выпил весь зая.

— Если я причиню слишком большие повреждения этому гнуснейшему из мостов, — сказала он, — эти тридцать тролли отплатят мне, а вы, ребята, вытаски, мы аюды, призовите меня к откту, потребите, чтобы я объяснил свои мысли. А как стрепеть подобно? В том, чтобы жить по правилам, нет благородства и рыдост, тогда нет — сваным была день, когда возник человеческий род.

— Друг мой! — сказала Максвелла опешаемо.— Прежде вы мне ничего подобного не говорили.

— Ни вам и ни одному другому человеку, — ответила гобани. — И ни перед одним человеком в мире, кроме как перед вами, не мог бы я выразить свои чувства. Но, может быть, я предельно излещен самоодностотности?

— Вы прекрасно знаете, — сказала Максвелл, — что ваш разговор останется между нами.

— Конечно, — согласился мистер О'Туа. — Об этом вы не тревожься. Вы ведь почти один из нас. Вы настолько близки к гобани, насколько это ално человеку.

— Для меня ваши слова — большая честь, — заверил его Максвелл.

— Мы древнее племя, — сказала мистер О'Туа. — Много древнее, думается мне, чем может поминать человеческий разум. Столько долгие лет мы нывали, — добавила он, скорбно покачивая головой. — Столько долгие, невероятные долгие лет, а потом настало глупый грязный примет и все нам испортили.

— Давным-давно... — задушично произнес Максвелл. — А как давно? Где в юрском периоде? — Вы говорите загадки. Мне это обидительно. Но нас бедал милое и самых резина, а теперь нас мало, и далеко не все из прежних дотнуян до этих пор. Мы вымираем медленно, но неуменно. И скоро займется день, который не

увидит никого из нас. Тогда все это будет принадлежать только вам, аюды.

— Вы разострепы, — осторожно сказала Максвелл. — Вы все знаете, что мы вовсе это не хотим. Мы приложим стомаку усалии.

— С любовью приложим! — перебил гобани.

— Да, я даже скажу — с большой любовью.

По чьей гобани покочала славы, и он принялся утирять их властью молюстой лагой.

— Не надо приносить меня во внимание, — сказала он. — Я погружен в гаубокие расстройства. Это из-за башши.

— Разве башши была друг? — с некоторым удивлением спросил Максвелл.

— Нет, он мне не друг! — решительно объявила мистер О'Туа. — Он стоит по одну сторону отряды, а я по другую. Старинный враг, и все-таки один из наших. Один из истинно древних. Он выдержал долгие другие. И упорнее сопротивляется смерти. Другие все мертвы. И в похобные дни старые раздоры отираются на свавку. Мы не можем сидеть с ним, как того требует совесть, но в возмещение мы воздаем ему посланную честь поминования. И тут эти шлоуэчн тролли без кады чести на всею кошпину.

— Как! Никто, никто здесь в заподельном не захотел сидеть с бышши в дни его смерти?

Мистер О'Туа устало покачал головой.

— Ни единый из нас. Это против закона, в нарушении древнего обычая. Он за ограды.

— Но он же совсем один!

— В терновнике, — сказала гобани. — В терновнике кусте возле хижины, которая служила ему обиталищем.

— В терновнике кусте?

— Колочки терновника, — сказала гобани, — тайт волшебство, в его древесине. — Он всхлинул, поспешно схватив кружку и поднес ее к губам. Его кадык запырив.

Максвелл сунул руку в карман и извлек фотографию картины Ламберта, которая висела на стене зала Нэнси Кайтон.

— Мистер О'Туа, — сказал он, — я хочу показать вам вот эту.

Гобани поставила кружку.

— Ну, так показывайте! — проворчал он. — Сколько обинков, когда у вас есть дело.

Он взял фотографию и начал внимательно ее разглядывать.

— Тролли! — сказал он. — Ну, конечно! Но тех других, я не узнаю. Словно бы я должен их узнать, но не могу. Эти сказания, Древние-Древние сказания.

Мистер О'Туа заглянул в свою кружку и увидел, что она пуста. Попытавшись, он пошел к бочке и наполнил. Потом вернулся к столу, взял фотографию и снова внимательно посмотрел на нее, хотя и довольно мутным взглядом.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Среди нас были и другие. Много разных, которых больше нет. Мы дася — жалкое существо, иногда жалко до населения палатки. — Он перебрался через стол фотографии Максвеллу. — Может быть, бышши сфотограф. Его годы уходят в твои времена.

— Не ведь бышши умирает.

— Да, умирает, — вздохнул мистер О'Туа. — И черен этот день и горек этот день для него посто. Что никто не сидит с ним.

Он двинул кружку.

— Пейте, — сказала он. — Пейте до дна. Если выпить сколько нужно, может быть, станет не так плохо.

Максвелл обогнул полуразвалившуюся хижину и увидел терновник у ее входа. В нем было что-то странное — словно облако мира расположилось по его вертикальной оси, и казалось, будто вы

Вренчицкий еле-эле смог убедить его хотя бы сменить казенный костюм на шапу вышивного одеяла. Он согласился только после того, как они категорически заявили, что иначе не выйдут его из института. А теперь они трюсысты от страды, как бы там ни было, не выйдут. Что же, ситуация и правда выглядит довольно кислой, — сказала Максвелла. — Но приедет рискнуть. У меня тыть не остается времени. Если Харлоу вообще способен кого-то видеть, то меня он увидит.

— Просто не верится, — грустно сказала Дух, — что путь тебе могло преградить это за бюрократическое трудности университетов в Землях навек аппарат своих знаний двух вселенных? — Все дело в колоссальности, — проворчала Максвелла. — Если бы не его предположение, все могло быть, но да сломать колоссальность. Ты же знаешь, что это такое, ведь время, а без труда добился бы своего. Потворя бы с Харлоу, но институтам одобрили бы до Арнольда. И вообще я мог бы просто убедить Харлоу — библиотеку хрустальной планеты ты куда бы перенесла. Институт времени, обидясь без санкции университета. Но у нас нет времени. Дух, ты что знаешь, возможно, колоссальность? Такое, чего и не будешь?

— Да, ты умно, — сказал Дух, — возможно, если и есть те галактические явры, которых мы всегда оставались встретить в космосе. Их поведение свидетельствует о том, что они действительно явры, во всяком случае, потенциально способны к этому. Конечно, эти явры, самые митрофанушки, должны кардинально отличаться от наших. Возможно, у нас с ними меньше общего, чем с осами или пауками. Хотя они и умны, — что хуже всего. Думаю, что в подобной ситуации явры не смогли бы в такой степени приспособиться к обстоятельствам и использовать их.

— Да, ты прав, — ответила Максвелла. — Потому что мы и не должны допустить, чтобы библиотека хрустальной планеты оказалась в руках врага. Поэтому важно, что она живет в себе. Галактические области науки, пока еще совершенно не так открыты. И вообще, именно они должны сыграть решающую роль в нашей связи с колоссальностью. Поэтому в колоссальности куда-нибудь спускаются, возможно, библиотека хрустальной планеты решит вопрос о нашей победе или поражении. И ведь если колоссальность будет знать, что она находится у нас, — это скорее всего не нашей же выгоде. Мы не знаем. Другими словами, судьба этой библиотеки определит, будет мир или война.

Максвелла съехала на своем седельце, опустил седло только через несколько минут. Дух, выходя из ветра, который принесся не с этих багряно-золотых холмов и не с обманчивого их лазурного дола, а откуда-то из неведомого.

— Ты растеряна, а бабаши перед ее смертью, — сказала Дух. — Он упоминал про Артефакт. А он не напоминает, что это может быть такое? Знай мы, что такое Артефакт, мы могли бы...

— Нет, Дух. Он ничего не сказал. Но у меня множество смутных догадок, но подтверждаемых никакими фактами. Я думаю, что Артефакт — это нечто из другой вселенной, той, которая предстает войной нашей, той, в которой возмужала хрустальная планета. Нечто драконическое, нечто, измеряемое миллиардами и миллиардами лет со времени той вселенной. И еще одно: бабаши и другие древние, которых помнит Он, были обитателями той вселенной, но не нашей. И жутковато, что в нашей вселенной не существует какой-то связи. Формы жизни, которые зародились, развились и эволюционировали в прошлой вселенной, а потом явились на Земле и другие планеты, как колоссальность, являясь собой нечто, что невозможно, которое ни бы, ни пути, начатому хрустальной планетой. Но что это случилось. Все эти попытки клонировать новые планеты потерпели неудачу — у нас на Земле из-за появления человека, а в других планетах, возможно, по другим причинам. И мне кажется, я догадывалась о некоторых из этих причин. Возможно, расы тоже старели и сами собой вымирали, угасали и уходили в никуда. Может быть, каждая планета есть свой сорт, и древние существа несут в себе свой смертельный приговор. Наверное, существует какой-то принцип, о котором мы не задумывались, потому что это очень многогранно, потому что это вопрос о существовании пути для непрерывной эволюции, чтобы ей ничто не мешало.

— Звучит логично, — заметила Дух. — То есть, что все эти колония вымирают. Если бы где-нибудь в нашей вселенной удалось обнаружить колонии хрустальной планеты, передали бы свои знания ей, а не предлагали бы их нам и колоссальности — существам, ей чуждым.

— Нет, — сказала одно, — сказала Максвелла. — Зачем нужны Артефакт обитателям хрустальной планеты, которые так близки к полному вымира-

нию, что уже стаки почти теменя? Какая им от него будет польза? Для чего он им?

— Ответь на это вопрос, только знай, что он такое, — задумчиво произнес Дух. — Ты уверишь, что не мог бы ты догадаться? Что не видел и не слышал никто, кто бы не мог?

— Нет, — сказала Максвелла. — Никого.

19

Вид у Харлоу Шарпа был изумленный.

— Прости, что я заставил тебя так долго ждать, — сказала он Максвелле. — Это было безумием!

— И рад, что меня вообще сюда впустили, — сказала Максвелла. — Эта тыть чербыра в приемной сначала была должна указать мне на дверь.

— Ты же знаешь, — объяснила Шарп. — По всем расчетам, ты должна была рано или поздно объявиться. Я высматривал очень странных историй.

— И большинство из них соответствует истине, — сказала Максвелла. — Но я пришла сюда не потому, Стейш, что это — отличное посещение, а не дружеский визит. Я по одному тебе много времени.

— Отлично, — сказала Шарп. — Ну, так чем же я могу тебе быть полезен?

— Ты проведешь Артефакт?

Шарп кивнул.

— Мне очень жаль, Пит. Я знаю, он интересуется тебе и еще кое-что. Одеяко он промешал в музее уже много лет и остается безомолодой диковиной и туристы. А нашему институту гости университета и туристы. На маршрут гостиницу нужны деньги. Уж тебе-то это известно. Фондом не хватает. Вот нам и приходится всекими путями добывать средства для своих исследований. Думаю, мне нравится номер, к которому мы прибегали? Вроде этого представления с Шекспиром и истою прочего? Никогда не видел, но мне не пришлось, можешь мне поверить. Только поставило нас в удивительное положение, не говоря уж о неприятности и хлопоты. Ты ведь представишь не можешь. Пит, что это такое? Больше, к примеру, то Шекспира. Он стал Артефактом, как турист, а я слыжу здесь и обрзынно тут чуть ли не до локтей, воображая себя, что с ним можно прикалываться...

Максвелла перебила его, пытаясь вернуться к своему делу.

— Я не спорю с тобой, Харлоу. И я пришел не для того...

— И варт, — промолвила Шарп, не слушая, — я думаю, что ты можешь оказаться в приходе Артефакт. И за сумму, которой от университетских сквалы не дождешься и в сто лет. Пойми же, что значит для нас эта продажа! Мы получим возможность не влез из-за недостатка средств. Конечно, я знаю, что такое колоссальность, но я хоть бы с самим дьяволом вступил в сделку, чтобы получить такие деньги.

Харлоу, — сказала Максвелла, — и прошу тебя только об одном: пока ничего не решай окончательно. Дай мне немного времени...

— А зачем тебе время?

— Мне нужен Артефакт.

— Артефакт? Но зачем?

— Я могу выменять его на планету, — сказала Максвелла. — На планету, хранившую знания не одной, а двух вселенных. Знаешь, как-то так, что-то вроде миллиардов лет. Я могу купить планету...

— Ты? Для себя?

— Нет, но для себя. Для университета. Мне нужно доброе приема у Арнольда. Вот почему мне нужно время.

— И получишь ты согласие? Пит, можешь и не надеяться. Ты ведь не поладила с Ангелом, а я предлагаю тебе коммуналку. Даже если бы ты была официально уволована...

— Ну, да же! Да! Можешь мне поверить. Я разговаривала с обитателями планеты, и видел их миллиарды лет.

Шарп покачал головой.

— Ты опоздал. Условная сумма берет Артефакт. Он хотя забрать его немедленно, но возмездия нету. Мы не сможем с ним разговаривать.

Максвелла молчала, огулашущий эту новость.

— Вот так, — сказала Шарп. — Он меня теперь уже ничто не завяжет.

— И если ты не тут же слова скажешь...

— Харлоу, а если мне удастся увидеться с Арнольдом сегодня вечером? У меня уйдешь передать его, и он заплатит мне столько же...

— Нет, — сказала Шарп. — Он прогневится в обмороч, когда ты попытаешь ему цифру.

— Так много? — ответила Шарп.

— Так много, — ответила Шарп.

Максвелла медленно встала.

— Я должен сказать тебе кое-что, — промолвила Шарп. — Каким-то образом ты вышла на трагу на краю холма. Сегодня утром кто-то видел Черрилла и с пелюй и три потворова, чтобы я завершил работу сейчас же. Жаль, что ты не пришла ко мне раньше. Может быть, мы бы и-нибудь бы и приваду, хотя я не представляю себе — что.

Максвелла вышла к двери, в переветливости оставившая, а потом вернулась к столу, за которым сидела Шарп.

— Еще один вопрос... Обитателям путешествия во времени. У Нэнси Клейтон есть картина Амберта...

— Да, я слышала.

— На заднем плане там написан холм с камнем на вершине. Я тогда полагалась, что этот холм — Артефакт. А Он говорит, что холм — это холм существа, изображенные на картине, — видел их в своем каменином веке. И ведь ты действительно знаешь Артефакт на холме в юрской пермю. Откуда Амберт мог знать, что он лежал на той вершине? Артефакт же был найден через несколько веков после его смерти. Мне кажется, Амберт видел Артефакт и те существа, которые изображены на своей картине. Он как-то знает, что он существо. Ведь там какие-то споры про Симонсона, верно?

— Я вижу, куда ты клонишь, — сказала Шарп. — В каком-то мере ты исследовала Симонсона работами проблемами путешествия во времени. А в двадцать первом веке и утверждал, что чего-то добился, хотя у него не ладались с контролем. Существует легенда, что он потерял во времени одного путешественника, а то и двух — послая их в прошлое и не сумев вернуть. Но вопрос о том, действительно ли у него что-нибудь получалось, так и остался нерешенным. Его заметки, те, которые находились у нас, очень скупы. Никаких работ он не публиковал.

— Но ведь это все-таки могло проинтовит? — требовательно спросила Максвелла. — Эпоха совпадает с эпохой, когда явры появились на Земле. Он стал Амбертом претерпев внезапное изменение, словно с ним что-то произошло. И это могло быть путешествием во времени!

— Да, конечно, — сказала Шарп. — Но не думаю.

20

Когда Максвелла вышла по Институту времени, в небе уже загорался вечер и дуть донеслось потной ветер. Гигантские вязы густыми мряка иствали на фоне ярок осененных очко зданий напротив.

Максвелла зябло похмыкала, подняла воротник куртки, заступила его у гора и была сбжалась по ступенькам на тротуар. Вокруг не было ни души.

Максвелла варт почувствовала слышать голод и вспомнила, что не ела с самого утра. Конечно, плавание, что ашвету у него размыслась именно тогда, когда рудула последняя надежда. И ведь он не только голоден, но и остался без крова — возвращаться к Ону нельзя, там его ждут репортёры. А впрочем, теперь у него нет никаких известий.

Позади него послышались шорохи, и оглаивившись, он увидел Духа.

— Ты чего-нибудь достала Максвелла?

— Нет. Артефакт уже продан и оплачен. Колоссальность заберет его завтра утром. Боюсь, это конец. И вот бы перебраться добраться оттуда до Арнольда, но ты только успевай следить за ним уже ничего не стало.

— Он заваз для нас стоаик. Ты, наверное, поладишь?

— Как вольно, — ответила Максвелла.

— Ну, так идем.

Они свернули в боковую проезд и привалились к стене по узким проулкам и проходным дворам.

Еще через несколько минут они оказались по железной лестнице, и Максвелла толкнула двойную дверь. Они очутились в тускло освещенном зале, из глубины которого веяло запахами стриптиза.

— Тут у нас здание сомелье стая, — сказала Дух. — Входит на стоа все разом, и каждый сам за собой улаживает. Это очень нравится.

— Сюда! — огулашительно позвала Он. — Хочу вас кое с кем познакомиться.

В эту минуту была различна андр Харлоу, а рядом — еще чье-то. Бордатое и как будто хорошо знакомое.

— Наш сегодняшний гость, — объявила Он. — Достопочтенный Вильям Шервелл.

Перед ними ГРОВОЙ.

Продолжение следует.

Метель

Загрялись прыгаты
старых деводских мест,
топоялы силузы,
трогатур и поядола.

И дорога от куда
уповет в снегу,
и того, что знаваемо,
у зячюво не муге.

Не млетяво о нуде
в этих смежных ноках.
В доме умерли людн,
уступили озаг.

Взрывы резвого смеха,
запах дров и белья,
лишь мнущегося снега
звонят в стенах мненья.

Плуты пистунны гнезда
опущена сама
городского погоста
делова зяна.

То-то сторопу скука!
Прочь торопику он!
от руданий и стук
затажных позорон.

Биография рода
в плен берет забавье,
и заносит природа
снегом, дало саво.

Грань отрады лютая,
лишь на пути,
в радом с домом лютая,
не могу я найти.

Бенностими. Яче всего психологические особенности человека проявляются в индивидуальных видах спорта, беднее — в командных. Знаю их они! Основные отличия спортивного типа личности по моему мнению заключаются в затрудненности углубленного контакта с окружающим миром, поверхностности, неустойчивости такта. Причину этого Флорес устранивает в конкурсах.

В сборную команду страны в входит с 1949 по 1962 году. Я могу точно подсчитать, сколько раз за это время выиграл по номеру. Но сколько раз в стартовал в других «соревнованиях», сказать не могу, потому что соревновались все с кем только можно соревновались человек. Эта постоянная готовность вылезать в спор, опускаться ниже, выискивать соперника, другие утверждали себя в подтагиваниях, в прыжках с места в длину и даже за обездвиженными столбами.

Я, по убеждениям, понятия не имел, что такое спорт, как в высшем тяжелоатлетическом обществе лобные пухляки могут вызвать дуэльную ситуацию. Большие атлеты чрезвычайно самолюбивы. К каждому нужен особый подход.

Слова и молодость — слишком много для простого смертного. Безуловно, спорт — великое благо, великолепное средство воспитания человека. Делать добро — каждому человеческое начинание — это папка о двух концах. Развивая и совершенствуя человека, спорт вместе с тем создает почву для проявления эгоистических наклонностей. Об этом предупреждал еще первый нарком здравоохранения Н. А. Семешко.

Перед каждым тренером, как перед полководцем, стоит цель — победа. Но разве нам безразлично, кто победит: хороший человек или плохой, дружелюбный человек или паразит, для которого интересы команды так же дороги, как свои? Конечно, нет. Хотя, если рассуждать формально, не за нравственные добродетели дают спортсмену награды.

Один тренер долго держал в команде спортсмена, который давал бы, учитывая нашу сплоченность, отличные результаты. Однако на площадке, не всегда удачно играя, но места своего не терял.

— Почему ты его держишь? — спрашивали молчаливо мы три.

— Не тренер только загадочно улыбался и упрямо держался за своего «старика». Обидчики он все-таки никому секретов не скажет.

— Да разве в игре только дело? Он же упрямец. Пусть позволит себе опоздать на тренировку? Никогда. Гробоу слово стерпеть! Нет. Станет беречь твою, красивый момент! Ни за что. Это же характер. Убери я в нем хоть малюсенькую царапину, по-

чему он сбился тоже всегда находился такой человек. Они были есть. Надеюсь, и в дальнейшем судьба не обидит штангу такими людьми.

Или в часы раската сонные,
когда все услыши тиканья,
я напишу совсем obscure,
необычайные стихи.

И вот воскресный вечер выдался,
и выплыл месяц, невесом,
и, как будто снавно высался,
на мновоний погмуркался сон.

Не пишется и не читается,
не отделяется в душе —
такое что-то мучающееся,
что задыхается в дымку.

И знаю, что вчераше того не было,
и не было, и не было,
и так от нестерпимого вечера —
«без слез, без жизни, без любви...».

Идет надежда за надеждою,
я неспешно дого мгу.
Дождусь — а ничего не делаю
и лишь напрасно лажу мгу.

Я думал: в тишь такого вечера,
ликам принашего к окну,
лине будет празднично и весело
и наконец о тождоу.

Я буду слушать шелест лиственный
и песни с ближнего угла,
и никакой, раз пятнадцать лиственный,
в зачитасю до утра.

Или в часы раската сонные,
когда все услыши тиканья,
я напишу совсем obscure,
необычайные стихи.

И вот воскресный вечер выдался,
и выплыл месяц, невесом,
и, как будто снавно высался,
на мновоний погмуркался сон.

Не пишется и не читается,
не отделяется в душе —
такое что-то мучающееся,
что задыхается в дымку.

И знаю, что вчераше того не было,
и не было, и не было,
и так от нестерпимого вечера —
«без слез, без жизни, без любви...».

Чымышкин и Саксонов, Степанов и Удолов,
Тальт и Куренцов...

Бывало, мои товарищ терпит поражение, но команда продолжает ему, потому что знает: никто другой не мог бы отдать борьбе больше сил, чем он.

Иногда спрашиваю: спортивный характер, нервы, привычки, темперамент и характер и разном невразум, язык, поведение, больше свойственное искейным барышням, а не богатырям. Нет ли здесь неувязки, противоречия?

— Неувязки человека в спорте, как в танго и не может ее поддать, ему, конечно, досадно, но эта досада не проживит и минуты. Другое дело, когда за штангу берется атлет. Поднял — не падая, развел в этом ступе?

Время невосторжимо. А их месяцами не вылезал из тяжелоатлетического зала. Отказываясь от удовольствия. Лечил травмы. Когда пресс хлянула тебя, ты хотел, чтоб похвалили не пропали зря. Когда недоброжелатель ставил или тебе красноречиво по поводу твоих неудач, ты стискивал зубы и снова шел в зал. Мечтал о том, когда самая тяжелая в мире штанга победно заплет над головой. Ты боролся со страхом, неуверенностью, усталостью, с самим собой. Ты давно бы бросил, давно бы выбрал дорогу полегче и попрямее.

Вы он, дай, штанга, скин с себя гнет добровольно! Ты боролся со страхом, неуверенностью, усталостью, с самим собой. Ты давно бы бросил, давно бы выбрал дорогу полегче и попрямее.

Чем больше на штанге вес, тем больше ставка. Послы врывают верительные грамоты. Твои верительные грамоты о тебе на груди. Гробоу страны. Они не выйдут слабей от того, что штанга вырвется из твоих рук. Но как ее уронить, если тебе не бросается в телефонном провононе репортеры, заступают машины и телеаппаты, схватятся за голову телеобозреватели и друзья... И понесется твоя фамилия, фамилия победившего, во все концы земли, дробясь в телеэкраны, отпискиваясь на миллионы газетных листов, гуля в телеграфных проводах... И, как укор, как боль, сотни миллионов людей повторятся радом с ней название твоих страны.

Конечно, болтая с штангой, потягивая пиво и изредка бросая взор на телеэкран, весьма легко критиковать сильнее. Но چگونه мы, пилотски выходя с экраном, проводимая жизнь, единственное — единство на глазах у всех? Когда вперед неизвестность, когда до славы или провала страны.

Или в часы раската сонные,
когда все услыши тиканья,
я напишу совсем obscure,
необычайные стихи.

Сердце

Ночью не спится. Сердце болит.
Прекре-то было исправно.
Кто ему былся в груди не велит
неторопливо и плавно!

Спаси прилетела строгий укор.
[Торжественно. Истинно. Врасси.]
Сердце, ведь это безбарьерный укол.
Что же ты споткнулось во мраке!

Что же было ты даминоу asleep,
что же ты было ты даминоу asleep,
топешь в ушадши и старю!

Врети упрямств в подушку и спать,
сном осаживаться усталый.
А за сонном зывает февраль.
Вышло обычное дело.

Дело серьезное. Сердце не жаль —
выбрало то, что хотело...

Вамозрети

Как понимают туману по уграм,
дыкам из труб, рожденные печам,
как принимают осенние печам
и нежностью зягуют утру!

Я погружаюсь в пламень черной воды,
все пашин обнимаю в эсе реке,
и плечу приравнянности реке,
но неподвижно чуждый небосвод.

Быть может, слабый жизни естество
и беспринципно природы принимает
и мысля что-то габель ждет его,
и я стразу смертному не привыкает.

Окно

Когда в долу уже тумано,
ни зги, ни силузы,
предоставляет окно —
слухой источник света.

Луна и звезды бьют в стекло,
и свет струится по стеклу,
и в темной комнате светает
от медленного снега.

И в ближней крышши светит лед,
и последние ноки
мигает тихий самолет
на Яту или Сочи.

Ах, голос мой не так высок,
не так далекий, как там,
что лунный пепел и песок
на строчии оседаян.

Но до могилы все равно,
до той привычной вестн
позиция — мое окно
и мир чистоты и чести.

Я тесный ворот распахнул,
в разное эпохы ворот,
и ночью подожду к окну,
и погляжу на город.

И от прозрачного окна
и кровель в полуразреде
повет в душу туману,
и растворится в доме...

Говорите, не надо повторяться! А почему же, дорогой болельщик, пульс у вас начинает частить, когда садитесь вы в кресло к зубному врачу? Ведь это так обычно, так буднично!

Так и таинкователь. Он знает, что спорт не обходится без неудач, но когда гром грянул, когда спорт проигран, горе, кандай раз незанемое и новое, темнее, глубже, сильнее. Тут только держаться, не давая отчаянию себя победить, терпеть, мушкетера, пока опята не научившись сообразать, как организовать победу.

От великого до смешного всего только шаг. От самых величайших расхождений короче. Атлет, который только что совершил подвиги, исторгал из себя сотен голов, и немывшим килограммам прибавлял пять, а то и десять, прогнал, вдруг становился ребенком, грубиян, искрал виновных, плакал, бил себя кулаком в грудь, а наутро перечерчивая свою неудавшуюся жизнь — я видел это много раз. Штанга! И черт! Кто выиграл, тот и выиграл. Пойдет по новым путям!

«Словно хороший рассказ, жизнь сборной не обходится без кульминации. Когда подходит время определять состав, лихорадочное волнение начинается одождать сильнее. Вопрос, возьмут или не возьмут (видеть счастливыми не в счет), как дамолем мей, расит у всех над головой.

Однажды я раздал ребятам анкету, где, в частности, был и такой вопрос: «Что необходимо предпринять для создания дружного, сплоченного коллектива?»

Я верил в своих ребятах. Верил в их совесть и честность. Я видел их в минуты славы. Знал их недостатки. Но я видел их и в минуты, когда все всей первоначальной красоте звучат такие слова, как мужество, стойкость, самоотверженность. Какая решимость горела в их глазах, когда, никому не выйдя, они шли на помост, чтобы совершить то, что до них еще не совершал никто! Если говорить с ними прямо, целиком доверять им, ничего не скрывая и не тая, они никогда не обманут и не предадут.

Кого поставить на чемпионат мира? Этот вопрос я задавал им самим. Я предложил им решать его вместе со мной. Никто не знает лучше об истинных возможностях атлета, чем товарищ, который тренируется для создания дружного, сплоченного в одной комнате, ест за одним столом. Когда такой вопрос задается в лоб, честно, прямо, настоящий спортсмен не может сказать, покрывая душой. Сказавшись самозабвенно в состоянии А, что скажет, если самке заинтересованные лица? Когда я взял их списки и сравнил со своими, они почти целиком повторяли друг друга. Мне оставалось только выбрать наиболее сильнейших — работа, против которой я несколько не возражал.

«ЗАЩИТА. А НЕ АГРЕССИЯ!» — КРИЧАЛИ ЛОУИНИ В КАТОЛИЧЕСКИХ КВАРТАЛАХ, КОГДА НАЧИНАЛАСЬ СЕВЕРНОИРЛАНДСКАЯ ТРАГЕДИЯ. «МЫ ХОТИМ МИРА!» — КРИЧАТ ОНИ СЕРОДИ. ВО ПУТ МИРА В ПРОКОУЧЕННОМ ПОЖАРАМИ ОЛЬСТЕРЕ.

«Я САМ СЛЫШАЛ, КАК АНГЛИЙСКИЙ ОФИЦЕР ГОВОРИЛ СВОИМ СОЛДАТАМ, УКАЗЫВАЯ НА АРЕСТОВАННОГО: «НУЖА, ОБРАТОВАТЕ ЕГО» — ПИШЕТ В «ПАР-МАТЧ» СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ ЖУРНАЛА ИЗ ОЛЬСТЕРА.

Горячие точки планеты: ОЛЬСТЕР

ВАРФОЛОМЕЕВЪЕ

Жители католически кварталов Белфаста не называют более этот город Белфастом. Им ему — Делфаст, что в переводе значит «быстрый ад». Правила игры слов безапелляционны, но все же ад этот никак не быстр и не скоротечен. Ад Северной Ирландии тягуч и мучителен, а те два с лишним года, за которые гальскою слово «Ольстер» вошло во все языки мира, были поминие варфоломеевским.

Так что же это? Избиение современных гугенотов? Рецидив религиозных войн XVII века? Протестанты мигрируют в католических кварталах: «К черту папу!» Католики отвечают лозунгом «Долой королеву!». Всеобщее ослепление фанатизмом, плановый погром, испанским выстрелом! И над этим безумством — флегматичные английские «толпы», посланные сюда, дабы восстановить мир и спокойствие!..

Так пишет об Ольстере буржуазная пресса, и прежде всего английская. Но почему тогда лидер протестантских экстремистов пастор Пайнли открыто провозглашает: «Британская армия — наша армия! Почему в недавней воскресной проповеди он призвал своего бога «благословлять солдат и полицию, которые помогут очистить этот прекрасный край от католической заразы! Почему, несмотря на крупнейшую ирландию Белфаст «Карландия энд Вулф», на которой, кстати сказать, был построен знаменитый «Титаник», среди 9 тысяч рабочих осталось лишь 300 католиков (общее процентное соотношение католического и протестантского населения Северной Ирландии — 35 и 60)!

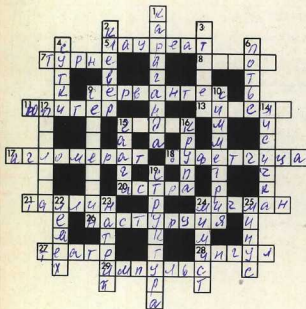
Эти вопросы не задает буржуазная пресса, которая всегда является говорить «правду, только правду, ничего, кроме правды». На эти вопросы будет дан ответ, если вспомнить, что ирландцы потеряли свою независимость 1100 лет тому назад, что только за пять лет из долгого колониального господства англичан на этом острове (1042—1801) от голода и чумы погиб миллион ирландцев, что лишь в 1924 году была формально предоставлена независимость Ирландии, за исключением шести северных графств, оставшихся за Британской короной.

И если сегодня погромиция пастора Пайнли идет на приступ католических четто Фоликс Роуд и Богсайд в городах Белфаст и Дерри, если английские сумроворители стоят на одной стороне баррикад с протестантами, если официальный Лондон еще большие воронит кровавую рану Ольстера, то это значит, что политика «разделай и властуй» по-прежнему в арсенале империализма.

В 1969 ГОДУ, КОГДА ПРОЗВУЧАЛИ ПЕРВЫЕ ВЫСТРЕЛЫ, В БЕЛФАСТЕ ПОГИБЛО 9 ЧЕЛОВЕК, ЗА ОДНУ НЕДЕЛЮ АГУСТА В ЭТОМ ГОДУ — 26 СМЕРТЕЙ...

КРОССВОРД

Составил С. ПЕТРОВ,
г. Ташкент,
Мордовской АССР

По горизонтали:

5. Знание, присущее только высшим достижениям в науке, искусстве, 7. Героическая подвиги армиста, 9. Опера моста, 9. Испанский писатель XVI—XVII веков, 11. Планета, 13. Поездная форма в карнасе здания, 15. Древнерусский свечной инструмент, 17. Рыцарское сияние минаральных образований, 18. Работница в системе общественного питания, 20. Царство, 21. Столица союзной советской республики, 24. Звание в Военно-Морском Флоте СССР, 26. Осенний цветок, 27. Зрелищное представление, 28. Рена на Украине, 29. Побуждение, толчок.

По вертикали:

1. Областной центр в Казахстане, 2. Морское боевое растение, 3. Соединительный патрубков, 4. Единица измерения времени, 6. Поэт, создатель пролетарского гимна «Интернационал», 9. Минерал, силикат, 10. Соразмерность, пропорциональность, 12. Малая планета, 14. Грнб, 15. Порт в Нидерландах, 16. Продукт переработки зерна, 19. Взаиморасположение и связь составных частей, строение, 22. Деталь плуга, 23. Металл, 24. Антер, 25. Знак, обозначающий действие вычитания.

**ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЯ № 21**

По горизонтали:

5. Пилотирование, 8. Мандарин, 9. Ударение, 13. Клоуны, 14. Анатолия, 15. Молотья, 18. Вернес, 20. Реформа, 21. Пелос, 22. Металлография, 25. Страна, 26. Кольцо, 27. Мальва, 30. Арлекин, 31. Галландия, 32. Плуин, 34. Тасмания, 35. Алеттика, 36. Заукооператор.

По вертикали:

1. Алматы, 2. Оттис, 3. Гвидо, 4. Антисепт, 6. Наптивна, 7. Писатель, 10. Консерватория, 11. «Комсомольская», 12. Собседование, 16. Берлин, 17. Сморчок, 19. Свеча, 21. Принс, 23. Нарандл, 24. Словене, 25. «Трубадур», 26. Варрета, 32. Присор, 33. Натра.

СВЕТАМЪ, КРЕСТА.

НЕНАГЛЯДНЫЙ МОЙ

Слова Риммы КАЗАКОВОЙ
Музыка Александры ПАХМУТОВОЙ

Постарю, побелею,
Как земля змой,
И совсем твоею стану,
Неаглядный мой,

Я тобой перетосую,
Переворочу,
По тебе перестрадоу,
Что в себе ношу.

До небес и безды достану,
Время торопя,
И совсем твоею стану,
Только без тебя.

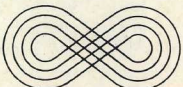
Мой товарищ староданный,
Суд мой и судьба,
Я тобой перестрадоу,
Чтоб найти себя.

Я узнаю цену рано,
Ад вкуса в рано,
Я тобой переиграю
Молодость свою.

Переходи, переиграю,
Долгий путь домой,
Вспомни меня без грусти,
Неаглядный мой.

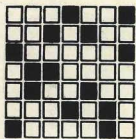
1.

Нарисуйте фигуру одной непрерывной линией, не отрывая карандаша от бумаги.

2.

Фигура состоит из 35 светлых и 14 темных клеток. Замеркните еще 14 клетками так, чтобы в каждом горизонтальном и вертикальном ряду и на обеих диагоналях оказалось бы по 4 темных и 3 светлых поля.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ

«СЕМЬЯ» № 21

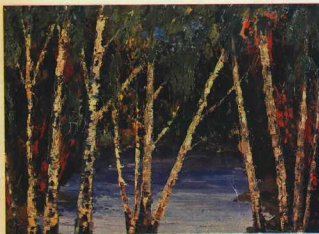
ТА ИНС ТВО

Автор этих работ — профессиональный художник. Алексей Иванович Освинников — журналист, главный редактор еженедельника «Нижнее течение». Но так уж устроена жизнь, что часто в одном человеке живут как бы несколько равно талантливых натур, и в своей одаренности ни одна не уступает другой.

Страсть к рисованию, к живописи проснулась в нем рано. Деревенский мальчишка, работая наравне со взрослыми в тяжкие годы войны — в семьдцать потерявший отца, было пятеро ребятшен, и

ФЕВРАЛЬСКОЕ СОЛНЦЕ.

ЗИМА.

РОЩА.

хозяйствовать пришлось сизмьстад, — он светиле светлого зданья случайно наденныа листы бумагы, чтобы вечером при свете керосинки заполнить их контурами лиц, животных, деревьев.

Бойка и разлука привели его в город. Привлекло громко имя первого в жизни должности старший кондуктор товарного поезда. А старший кондуктор — это тот, кто сидит на последней площадке поезда, одетый в тулуп, пронзаемый ветрами зны и ночи.

На задней площадке товарника обожал он роковую Сибирь, вглядываясь, чтоб заломить навсегда, в бесстелый маньдэдокский смялэцхся картин природы.

Но время, когда картины калейдоскопа замедляли движение, останавлились, замерли, чтобы расширить свое глубинное осмысление, всплыли из забуоунов памяти, чтобы выразиться столь ярко и светомосно, пришло позже. Говорит, природа открывает человеку свою суть в пору его зрелости, ибо понимание самого постоянного и самого вменяющегося — принадлежность самостоятельного мышления.

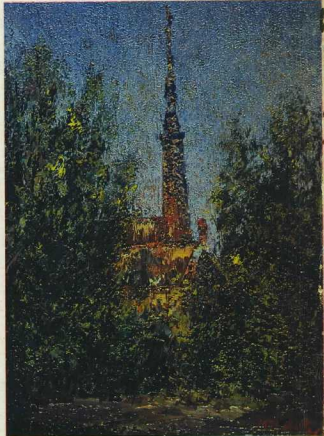
Так же случилось с Алексеем Освинниковым. Его пейзажи, написанные в немгие «вольные» дни, год от года проникали все глубже в существо предмета — в существо живой природы. Постепенно заплата леса, дерева, листа, постиние иллюзий и сущности света и цвета, приходившее постепенно, помалу, подавало теперь художнику и той черте, откуда идет отсчет истинному умению.

Пейзажи Алексея Освинникова не только точны и живописны, они ярко эмоциональны, они выливают целую гамму чувств, потому что в каждом из нас живут картины природы, но не каждому дано запечатлеть ее живописное состояние столь выразительно и ярко.

Я думаю, что художник рождается лишь в детстве. И дяр данный оламды, непременно даст себя знать. Судьба Алексея Освинникова сложилась так, что он входит в искусство, обладав несомненным даром живописца лишь со временем, в зрелости. Однако художник жил в нем с детства, всегда. Пейзажи Освинникова светлы и прозрачны. Опыт зрелости соединен в них с мальничьими удивлениями и предположением перед тем, что видит художник.

Альберт ЛИХАНОВ

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820.

ТАДЛАН.

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР.